Пров 49

БѢЛЫЙ ТЕРРОРЪ

ИЛИ

ВЫСТРѢЛЪ 4 АПРѢЛЯ 1865 ГОДА.

РАЗСКАЗЪ

ОДНАГО ИЗЪ СОСЛАННЫХЪ ПОДЪ НАДЗОРЪ ПОЛИЦІИ.

Третье изданіе.

(Das Attentat vom 4. April 1865.)

ЛЕЙПЦИГЪ:
Э. Л. Каспровичъ.

LEIPZIG:
E. L. Kasprowicz.

„Пров 38"
„Пров 49" 66
ПВ 86.
БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
1952
23

БѢЛЫЙ ТЕРРОРЪ.

ГЛАВА I.

Нѣсколько словъ отъ автора. — Первые аресты. — Разсказы о Каракозовѣ.

Человѣкъ, который рѣшается въ настоящее время и при данныхъ обстоятельствахъ писать о такомъ событіи, какъ *было* 4 Апрѣля, 1865 ставитъ себѣ не легкую задачу. Онъ долженъ плыть между Сциллой и Харибдой. Съ одной стороны правительство, подозрительное и пугливое, боящееся всякой огласки, съ цѣлою стаей шпіоновъ, обладающихъ снаровкой и чутьемъ гончихъ ищеекъ; съ другой — толпа осужденныхъ или ожидающихъ приговора, люди въ оковахъ, идущіе на каторгу, и люди сидящіе въ тѣсныхъ, сырыхъ и гнилыхъ помѣщеніяхъ московскихъ частей. Каждое неосторожное слово, каждый ничтожный фактъ, укрывшійся отъ взоровъ обѣихъ слѣдственныхъ комиссій, неразсказанный, позабытый или неизвѣстный „чистосердечно раскаявшимся“ юношамъ, сообщавшимъ не только факты, но проэкты, предположенія, мечты, надежды, словомъ, не только то, что̀ было, но и то, чего не было, и то, что̀ *могло быть*, даже то, *чего никогда не могло быть* — могутъ компрометировать новыя лицы,

могутъ усилить тяжесть старыхъ обвиненій и дать въ руки правительства возможность въ дальнѣйшемъ дѣйствовать съ большимъ умѣньемъ и увѣренностью. Поэтому я не считаю себя въ правѣ говорить ни о тѣхъ людяхъ, которые дѣйствовали честно, стойко и разумно, устраивая ассоціаціи, заводя школы, развивая народный умъ и указывая ему надлежащіе пути, работая тихо и незамѣтно, но бодро, вѣрно и неуклонно идя къ своей цѣли; ни о тѣхъ, которые увлекшись невозможными, неосуществимыми мечтами, отдѣлились и пошли ложнымъ путемъ, играя въ таинственные заговоры съ кровью, кинжалами и гиліотинами и ставя на карту свое и иное дѣло. (Да не подумаютъ, что я ставлю Каракозова на одну доску съ этими людьми. Это былъ могучій характеръ, великій фанатикъ своей идеи, вѣчно послѣдовательный, не дѣлавшій дѣла на половину, но шедшій до конца, до послѣднихъ результатовъ, человѣкъ, достойный лучшей участи, и при иныхъ обстоятельствахъ могшій сдѣлаться героемъ, вождемъ народнымъ.) Правительство не поняло смысла дѣла, доказательствомъ чему можетъ служить то трусливое предубѣжденіе, тотъ суевѣрный ужасъ, съ которымъ оно смотрѣло напр. на Ишутина. Оно даже не рѣшилось оставить его въ сибирскихъ рудникахъ или крѣпостяхъ, но воротило съ дороги и засадило, замуровало на вѣки вѣчные въ шлюссель-

бургскіе застѣнки. Положимъ, Муравьевъ приговорилъ къ смерти одинадцать человѣкъ, а верховный уголовный судъ смягчилъ этотъ канибальскій приговоръ и представилъ дѣло нѣсколько въ иномъ свѣтѣ, но тѣмъ не менѣе этотъ приговоръ слишкомъ жестокъ и пахнетъ кровью. (Мы разсмотримъ его ниже.)

Я не считаю себя въ правѣ сообщить, какъ велись мастерскія ассоціаціи и безплатныя школы, указать ошибки и возможность избѣжать ихъ и тотъ процессъ, которымъ выработывались новыя воззрѣнія и обозначались новые пути. Говорить объ этомъ, значило бы выдавать свое дѣло, какъ говорится, съ руками и ногами правительству.

Я не считаю себя въ правѣ говорить даже о своихъ личныхъ отношеніяхъ къ осужденнымъ или къ тѣмъ, которые такъ или иначе замѣшаны въ дѣло... Мнѣ остается ограничиться простымъ разсказомъ тѣхъ происшествій, которыя слѣдовали за 4 Апрѣля, о дѣяніяхъ слѣдственныхъ комиссій, на сколько мнѣ они извѣстны.

Первые аресты въ Петербургѣ были произведены тотчасъ же послѣ выстрѣла, или по личнымъ соображеніямъ полиціи, или же по доносу нѣкоего *студента* с.-петербургскаго университета, *Коревo* или *Корейво*. Въ числѣ первыхъ арестованныхъ нахо-

дился Худяковъ, которому *Моск. Вѣдомости* съ такимъ усердіемъ пріуготовляли висѣлицу.

Каракозова въ третьемъ отдѣленіи заключили въ комнату, стѣны и полъ которой были обиты мягкимъ войлокомъ. Имъ-же покрыта кровать, стоящая по срединѣ и составляющая чуть-ли не единственную мебель. Около этой кровати, назначенной для *важныхъ государственныхъ преступниковъ*, были поставлены четверо жандармовъ и офицеръ, обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы не давать Каракозову ни на одну минуту заснуть. Едва онъ начиналъ зыбываться, усердные исполнители монаршей воли начинали толкать его подъ бока, щипать и измученнаго, утомленнаго вели на допросъ. (Эта пытка продолжалась четверо сутокъ!) Тамъ уже принимался пытать Муравьевъ, то съ помощью успѣховъ современной науки и ея представителей въ лицѣ ученыхъ докторовъ, то съ помощью простыхъ заплечныхъ дѣлъ мастеровъ (эту должность исправляютъ теперь жандармы), которые сѣкли Каракозова, пока и этотъ способъ дознанія не оказался опаснымъ для жизни и совершенно безуспѣшнымъ въ примѣненіи къ этому желѣзному характеру*). Такъ терпѣлъ онъ *восемь съ поло-*

*) Одна великосвѣтская и во всѣхъ отношеніяхъ благовоспитанная графиня, обладающая чувствительнымъ сердцемъ и слабыми нервами, на вопросъ: пытаютъ-ли Каракозова?

виной сутокъ, не давая ни одного показанія, бросающаго хоть нѣкоторый свѣтъ на его личность или дающаго „новую *нить*“ (любимое выраженіе шпіоновъ и сыщиковъ), хладнокровно издѣваясь надъ всѣми *усиліями* Муравьева, его клевретовъ м всѣхъ добровольно прикомандировывавшихся къ дѣлу слѣдователей и сыщиковъ*), пока, наконецъ, полиція случайно не наткнулась на слѣды новыхъ, *подозрительныхъ* людей, жившихъ въ Москвѣ, на которыхъ уже доносилъ студентъ Корейво и не такъ давно вышедшая изъ института, *Марія Кишинецъ,* „покаявшаяся нигилистка“.

Каракозовъ, пріѣхавши въ Петербургъ, остановился въ Знаменской гостинницѣ, не предъявляя своего вида, почему даже послѣ выстрѣла 4 Апрѣля содержатель долго не рѣшался объявить объ исчезновеніи 65 No., но по истеченіи законнаго срока далъ знать полиціи, которая нашла шкатулку съ листомъ синей сахарной бумаги и проволокой, да на полу клочки мелко изрѣзанной бумаги. Эти клочки были тщательно собраны. Нашлись искусники, которые, послѣ долгихъ трудовъ, ухитрились таки сложить

(эта дама знакома съ гр. Муравьевой) подняла очи къ небу и съ ужасомъ и негодованіемъ воскликнула: „Oh mon dieu!.. est ce possible?..“ „Нѣтъ, его не пытаютъ, но сѣкутъ каждый день“.

*) Отличалась и гвардія наша, безкорыстно предложивъ свои услуги Муравьеву и III отдѣленію.

эти клочки и прочитать адресъ (то былъ конвертъ). Тотчасъ-же по телеграфу дано приказаніе арестовать Ишутина, живущаго въ д. Ипатова, на патріаршихъ прудахъ. Воейковъ спросилъ: арестовать-ли его товарищей, которые живутъ вмѣстѣ съ нимъ? отвѣтъ получился, конечно, утвердительный и въ ночь съ 8 на 9 Апрѣля были арестованы: Юрасовъ, Ишутинъ, Ермоловъ, Загибаловъ и, спустя два дни, Странденъ. Ишутина перваго потребовали въ Петербургъ. Говорятъ, его везли одного съ отдѣльнымъ экстреннымъ поѣздомъ и тотчасъ-же по прибытіи въ Петербургъ повезли на допросъ, гдѣ онъ показалъ, что не имѣетъ знакомыхъ въ Петербургѣ, но что туда поѣхалъ недавно одинъ изъ его родственниковъ. Тогда его повели въ казематъ Каракозова. Онъ, такъ по крайней мѣрѣ гласитъ офиціальный разсказъ, имѣющій впрочемъ, большія претензіи на драматизмъ, поблѣднѣлъ, задрожалъ и отступивъ на нѣсколько шаговъ сказалъ: „боже мой, Дмитрій, неужели это ты!“

Тогда и только тогда стало извѣстно комиссіи, а вслѣдъ за нею и всей Россіи имя того „гнуснаго и презрѣннаго злодѣя“, который „не можетъ быть русскимъ!“ *(Московскія Вѣдомости.)* До тѣхъ поръ онъ называлъ себя то Владиміровымъ, то Петровымъ, то полякомъ, то нѣмцемъ какимъ-то, и всѣ ухищренія и пытки Муравьева, всѣ его

усилія сломились при столкновеніи съ могучею волею этого желѣзнаго человѣка*), который погибъ напрасно и безплодно, какъ гибнетъ бо̀льшая часть русскихъ, неподходящихъ подъ уровень толпы.

Не могу не привести, въ заключеніи этой главы, нѣсколькихъ разсказовъ о Каракозовѣ, достовѣрность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Послѣ неудавшагося покушенія онъ пытался перекусить на рукѣ артерію. Это сей часъ-же замѣтили и поспѣшили заковать его по рукамъ и по ногамъ крестообразно: правая рука къ лѣвой ногѣ, лѣвая къ правой ногѣ, желѣзный обручъ обхватывалъ его тѣло въ видѣ пояса. Когда пришелъ Муравьевъ, онъ лежалъ и не всталъ при его появленіи. Муравьевъ приказалъ ему встать, онъ замѣтилъ на это совершенно хладнокровно: мнѣ незачѣмъ вставать, вѣдь не вы мнѣ нужны, а я вамъ. Однако жандармы подняли. Муравьевъ остался наединѣ и началъ допросъ. Каракозовъ не отвѣчалъ ни слова. „Ты, голубчикъ, заговоришь у меня, заревѣлъ Муравьевъ;

*) Я ничуть не увлекаюсь и не утрирую. Каракозовъ въ Февралѣ мѣсяцѣ вышелъ изъ клиники, гдѣ его одолѣвали десятки болѣзней, совершенно разстроившія его организмъ. Онъ былъ блѣденъ, худъ, изнуренъ и крайне слабъ физически во время совершенія своего замысла. И тѣмъ удивительнѣй становится его совершенное хладнокровіе къ пыткамъ, тѣмъ благородиѣй его образъ дѣйствій. Онъ сталъ давать показанія, когда молчать было уже излишне.

я русскій медвѣдь, какъ начну ломать, только кости захрустятъ". Должно быть, вся накипѣвшая ненависть, презрѣніе и негодованіе вдругъ схватили это больное, изнывшее сердце; сверкнулъ онъ глазами, потресъ цѣпью, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ближе къ своему палачу и глухимъ, нервнымъ голосомъ сказалъ: „Ты русскій, простой медвѣдь, а я бѣлый, морской, посмотримъ кто кого?" Испугался палачъ скованнаго врага, къ самой двери отскочилъ и позвалъ стражу.

Каракозовъ пересталъ принимать пищу и когда замѣтили, что онъ намѣренъ голодомъ уморить себя, его стали питать бульономъ, посредствомъ трубки.

Его удостоивали своими посѣщеніями великіе князья и одинъ изъ нихъ также не преминулъ допросить „безумнаго злодѣя". Каракозовъ по обыкновенію не отвѣчалъ ни слова, держалъ себя такъ, какъ будто совершенно никого изъ постороннихъ не было въ казематѣ. „Ты знаешь-ли, что я братъ государя-императора?" спросилъ его князь. Тотъ посмотрѣлъ на него и сказалъ съ улыбкой: „Съ чѣмъ васъ и поздравляю!"

Депутаціи, являвшіяся въ Петербургѣ съ адресами и поздравленіями, также хотѣли взглянуть на Каракозова: Одинъ изъ членовъ московской депутаціи, говорятъ Кокоревъ, вздумалъ было глумиться и ругаться надъ нимъ. Каракозовъ по обыкно-

ѣнію ни слова не отвѣчалъ, а только взглянулъ на расходившагося откупщика, но такъ взглянулъ, что Кокоревъ молча, поспѣшилъ ретироваться. Каракозову наконецъ надоѣли эти нахальныя посѣщенія, онъ рѣшился отдѣлаться отъ нихъ. Способъ, выбранный имъ, былъ очень оригиналенъ, но оказался вполнѣ практическимъ. Едва показывается любопытствующій субъэктъ, Каракозовъ встаетъ и обращается къ нему съ самымъ дружескимъ видомъ: „неправда-ли, какъ жаль, что наше общее дѣло не удалось?“ и руку протягиваетъ, а любопытствующій субъэктъ чуть въ обморокъ не падаетъ отъ неожиданнаго пріема. Тѣмъ и отучилъ!...

ГЛАВА II.

Повсемѣстные аресты. — Аресты въ Москвѣ. — Дѣйствія московской слѣдственной комиссіи, ея составъ.

Ночью, съ восьмаго на девятое Апрѣля, начинается періодъ поголовнаго хватанія. Этою ночью открывается блистательная дѣятельность Воейкова, Позняка и Джоліо. Съ этой ночи аресты начались въ громадныхъ размѣрахъ. Брали всѣхъ и каждаго, кто только былъ оговоренъ, чье имя было произнесено на допросѣ кѣмъ нибудь изъ взятыхъ или находилось въ захваченной перепискѣ. Брали чи-

новниковъ и офицеровъ *), учителей и учениковъ, студентовъ и юнкеровъ; брали женщинъ и дѣвочекъ, нянюшекъ и мамушекъ, мировыхъ посредниковъ и мужиковъ, князей и мѣщанъ; допрашивали дѣтей и дворниковъ, прислугу и хозяевъ; брали въ Москвѣ, брали въ Петербургѣ, брали въ уѣздныхъ городахъ, въ отдаленныхъ губерніяхъ; брали въ селахъ и деревняхъ, брали въ посадахъ и мѣстечкахъ; брали, брали и брали по такой обширной программѣ, что никто и нигдѣ не чувствовалъ себя безопаснымъ, кромѣ членовъ комиссіи и сотрудниковъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Обыски производились у всѣхъ, малѣйше заподозрѣнныхъ лицъ; полиція въ своемъ холопскомъ усердіи доходила до высоко-комическаго. Что я вовсе не фантазирую и не преувеличиваю, это можетъ заявить всякій, бывшій въ Россіи въ тѣ трудныя времена, но для доказательства, я приведу два-три факта. Въ Холму (псковская губ.) былъ арестованъ Маликовъ, судебный слѣдователь; въ калужской губ., въ козельскомъ уѣздѣ, мировый посредникъ Бибиковъ, Голофѣевъ, кн. Вадбальскій и секретарь мироваго съѣзда Оболенскій; жена его была арестована

*) Офицеръ Алексѣевъ взятъ въ Москвѣ съ 16 на 17 Апрѣля, и отправленъ въ Петербургъ; позже арестованъ офицеръ Рудневъ и юнкеръ Овсяный (воспитанникъ Александровскаго военнаго училища).

черезъ нѣсколько часовъ послѣ пріѣзда въ Москву въ гостинницѣ Мамонтова, содержалась тамъ нѣсколько недѣль, переведена въ сущевскую часть и черезъ $2^1/_2$ мѣсяца освобождена, такъ какъ никакой вины, самое подозрительное и пристрастное, слѣдствіе не могло открыть за ней*). Обыски производились и въ Орлѣ, и въ Екатеринославлѣ, и въ смоленской губерніи, въ калужской, и въ псковской, да по всей вѣроятности, во всѣхъ губерніяхъ и градоначальствахъ россійской имперіи. Въ ночь со 2 на 3 Мая арестована швейная въ Калачномъ переулкѣ, захвачены четыре дѣвушки и старушка нянюшка (пятая швея лѣтъ шестнадцати была арестована въ No. Оболенской и содержалась болѣе трехъ мѣсяцевъ). Нянюшка сидѣла, подобно государственной преступницѣ, за двойными замками, за желѣзными дверями два мѣсяца. Ее водили на допросы и наконецъ, измученную нравственно и физически отпустили.

Е. и А. Ивановыхъ и Крылову не освободили и до сихъ поръ (10 Октября). Вопросы, которые имъ предлагались, были между прочимъ слѣдующаго сорта: сколькихъ вы имѣли мужей? сколько разъ вы были въ гражданскомъ бракѣ, и т. п., только предлагались они въ самой омерзительной и возмути-

*) Тоже съ тверской, нижегородской и смоленской губ.

тельно-цинической формѣ, приправленные гнусными, казарменно-бульварными шуточками. Сколько приходилось вытерпливать, выносить нравственныхъ оскорбленій и униженій этимъ беззащитнымъ женщинамъ — и передать невозможно! Замѣчательны также и умомъ нѣкоторые вопросы. Спрашивали, напр., нянюшку: „давно-ли твои барышни перекрестились въ нигилизмъ, въ новую вѣру?“ и что всего замѣчательнѣе, эти вопросы звучали искренностью: такъ пошлы, тупы и не развиты были эти жандармы-слѣдователи, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ.

Была арестована также переплетная мастерская на Арбатѣ; работники-простолюдины призывались къ допросу, потомъ были освобождены отъ преслѣдованій. Взяты всѣ инструменты и шрифтъ; книги приходо-расходныя; заключены въ часть Фалленъ и Колачевскій, заподозрѣнные въ распространеніи соціальныхъ идей въ средѣ работниковъ и обвиняемые въ устройствѣ переплетной ассоціаціи.

Произведены многократные обыски въ швейныхъ и въ мастеркихъ, казавшихся почему нибудь полиціи подозрительными. Первыми вопросами работникамъ и работницамъ, было: „получаете-ли вы жалованье? не читали-ли вамъ *Что дѣлать?*“ Въ понятіяхъ московской полиціи соціализмъ и нигилизмъ путались; признаками и того и другаго было: ношеніе

синихъ очковъ, короткихъ волосъ женщинами и длинныхъ мужчинами; отсутствіе кринолина, круглыя шляпки; безплатное обученіе бѣдняковъ и не полученіе платы работниками, т. е. „такая ахинея, по выраженію одного полицейскаго мудреца, что ее самъ, прости господи, дьяволъ не разберетъ!“ Первымъ вопросомъ арестованнымъ было: „не принадлежите-ли вы къ *сектѣ* нигилистовъ?“ и если обвиняемый въ этомъ преступленіи отрекался, слѣдователь подозрительно оглядывалъ его съ ногъ до головы и вопрошалъ: „а почему вы носите синіе очки?“ или: „отчего вы не стрижетесь?“ или: „почему вы ходите безъ кринолины?“ Многихъ заставляли письменно подписывать отреченіе — отчего бы вы думали? — первое, отъ лжеученій нигилизма; второе, отъ журнала *Современникъ* и третье, отъ лжеученій соціализма.

Читатель, не побывшій въ домѣ съумасшедшихъ, называвшемся и называющемся московской, высочайше утвержденной слѣдственной комиссіей по политическимъ дѣламъ, вѣроятно подумаетъ, что мы шутимъ. Но та рука, которая пишетъ эти строки, подписала подобное отреченіе.

Сказаннаго довольно для обрисовки дѣятельности жандармовъ-сыщиковъ. Да, дѣятели, подобные господамъ Воейкову, Позняку, Джоліо и иные съ ними, не спали ночей и не доѣдали куска. Они рыскали

цѣлыя ночи; они выходили на ловлю съ захожденіемъ солнца и, какъ тати и разбойники, скрывались при его появленіи. Да, они проливали, такъ сказать, свой потъ *за отечество,* роясь въ сундукахъ, шкафахъ, шкатулкахъ, въ грязномъ бѣльѣ и во всякомъ сорѣ, взлѣзая на чердаки, спускаясь въ погреба и чуланы, исправляющіе самыя разнообразныя должности, заползая подъ кровати и диваны, щупая и выстукивая обои, и не имѣли ни времени, ни возможности смежить свои отяжелѣвшія вѣжды. Они черпали силы, подобно г. Каткову, въ сознаніи великаго долга, великой миссіи — раскрыть зло и вырвать оное съ корнями.

При обыскахъ и арестахъ Воейковъ (въ особенности) обращался рѣзко и грубо, по солдатски, на ты, украшая рѣчь свою площадною бранью и дикими остротами казарменнаго издѣлья, съ людьми, имѣвшими несчастье не принадлежать къ дворянской кастѣ. Имъ вообще приходилось хуже и на содержаніе имъ отпускалось менѣе. Взятыхъ бросали въ отвратительныя помѣщенія московскихъ частей. Были комнаты (напр. въ Арбатской части), до такой степени возмутительно грязныя и вонючія, полныя всякихъ нечистотъ, что человѣкъ незнакомый съ заведеніями этого рода, положительно откажется вѣрить. Я самъ, до моего ареста, не могъ вообразить, допустить, предположить, чтобы могли су-

ществовать такія омерзительныя кануры. Только отхожее мѣсто какого нибудь большаго дома, наполненнаго бѣдными жителями, которое никогда не чистится, можетъ дать понятіе объ этихъ вертепахъ. Я знаю комнату, въ которой полъ былъ *слоями* покрытъ человѣческими экскрементами; стояли въ углубленіяхъ и въ углахъ вонючія лужи; на самой кроватѣ, состоящей изъ двухъ, трехъ, ничѣмъ не покрытыхъ досокъ, какіе то веселые люди совершили свои отправленія, и копошились въ ней миріады самыхъ разнообразныхъ паразитовъ, очень лакомыхъ до человѣческаго тѣла. Впрочемъ, были помѣщенія довольно сносныя, въ особенности въ сущевской части, что составляетъ однако очень рѣдкое исключеніе. Общею-же чертою была, есть и вѣроятно долго еще будетъ — нечистота, грязь, сырость и вонь. Въ пречистенской, напр. части, до 7 или 8 Октября, стекла не были вставлены въ рамахъ, морозы-же стали въ Москвѣ съ 18 или 19 Сентября, бывали сильные дожди, снѣгъ началъ падать со 2 или 3 Октября. Пища соотвѣтствуетъ обстановкѣ и счастливцами могутъ почитаться тѣ, которымъ родные или знакомые присылаютъ обѣдъ.

Многіе изъ арестованныхъ сидѣли дни, недѣли и цѣлые мѣсяцы не допрашиваемые, въ полной неизвѣстности за что они попали въ эту грязную яму. На допросы обыкновенно возили ночью, на-

чиная съ десяти часовъ; комиссія засѣдала до разсвѣта и исчезала при первомъ солнечномъ лучѣ.

Не смотря на все безобразіе своего состава, московская слѣдственная комиссія не испытывала тѣхъ мѣръ, къ какимъ прибѣгала муравьевская. Впрочемъ, между ними существовала большая разница. Послѣдняя была верховною, неограниченною, снабженною широкими полномочіями, тогда какъ первая составляла только ея вѣтвь и не имѣла самостоятельнаго значенія. Самая личность предсѣдателя московской комиссіи, князя, Долгорукова (московскій генер.-губернаторъ), довольно добрая и мягкая, — таковъ, по крайней мѣрѣ, общій отзывъ и судившихъ, и судившихся. Въ немъ совершенно нѣтъ этой жандармско-инквизиторской злостности сыщика-слѣдователя; онъ не подкапывался подъ каждое ваше слово и выраженіе съ цѣлью поймать и упечь, напротивъ, онъ всегда бывалъ доволенъ освобожденію подсудимыхъ; онъ помогалъ инымъ изъ нихъ средствами и всегда обращался вѣжливо, мягко и ласково, по человѣчески, а не по солдатски. Нельзя того-же сказать о другихъ членахъ комиссіи. Берингъ... но его имя и дѣятельность такъ извѣстны читателямъ нашимъ, что я совершенно избавленъ отъ непріятнаго труда говорить объ немъ. Познякъ самый злостный и болѣе всѣхъ остальныхъ образо-

ванный сыщикъ-слѣдователь. Онъ прошелъ огонь и воду; былъ *либераломъ* — рекомендація вполнѣ достаточная. Воейковъ отличается отсутствіемъ самыхъ элементарныхъ знаній и совершенно не осмысленъ. Жандармъ до мозга костей, сыщикъ и шпіонъ по призванію. Михайловскій юнъ и жаждетъ отличиться и угодить начальству. Карьера его упрочена и мы можемъ поздравить его грядущимъ Познякомъ. Остальные не заслуживаютъ упоминовенія, но мы не ошибёмся и будемъ вполнѣ справедливы, если скажемъ, что всѣ члены этой комиссіи, исключая кн. Долгорукова, вполнѣ заслуживаютъ висѣлицы, если признать принципъ необходимости смертной казни для всѣхъ злодѣевъ, столь усердно проповѣдуемый съ каѳедръ московскаго университета.

ГЛАВА III.

Какъ отнесся народъ къ выстрѣлу 4 Апрѣля. — Истинный характеръ народнаго волненія. — „Онъ русскій". — Царство слова и дѣла. — Преслѣдованіе нигилизма, то есть стриженыхъ волосъ и синихъ очковъ. — Фокусы московской полиціи.

Утромъ 5 Апрѣля (вторникъ), въ Москвѣ зазвонили и затрезвонили всѣ сорокъ сороковъ; по домамъ ходили будочники и разносили печатные

листки, извѣщавшіе, что рука всевышняго спасла драгоцѣнную жизнь царя, что злодѣй схваченъ и заточенъ. Впечатлѣніе было сильное; рѣшили, что никто другой не могъ этого сдѣлать, кромѣ поляка. Негодовали публицисты, негодовали члены англійскаго клуба, негодовали лавочники, ну, и народъ негодовалъ. Впрочемъ онъ негодовалъ по своему и совсѣмъ не на поляковъ. Чутьемъ какимъ-то угадалъ онъ, что стрѣлялъ не полякъ, но русскій; шла молва, что стрѣлявшій *дворянинъ-помѣщикъ*, что это онъ отмстить хотѣлъ царю за волю, которая и безъ того совсѣмъ испорчена дворянами. Вотъ какъ понялъ народъ выстрѣлъ вездѣ и повсемѣстно; вотъ почему свирѣпѣлъ онъ и готовилъ топоры. Только продажные казенные публицисты, да жалкіе, тупоумные писаки и ораторы, неспособные понимать смысла совершающихся фактовъ, могли придать взрыву народнаго чувства казенный и пошлый характеръ съ примѣсью той приторной и рутинной сентиментальности, которою отличаются россійскіе селяне въ жалкихъ издѣльяхъ жалкой и почти невозможной въ настоящее время литературы. Нуженъ громадный запасъ безсовѣтности или идіотизма, чтобы народное движеніе послѣ 4 Апрѣля рѣшиться объяснять тѣми-же мотивами, которые управляли неистовой толпою пошлыхъ, низкопоклонныхъ холоповъ, прогонявшихъ со сцены поляковъ, пѣвшихъ

„боже царя храни“ и на ко́лѣнахъ молившихся за царя и его спасителя Комисарова.

Нѣтъ, народнымъ движеніемъ управляло не холопское чувство вѣрноподданнической преданности. Эта преданность, крайне спорная и сомнительная, является результатомъ вѣковаго рабства и того безвыходнаго, глубокаго невѣжества, въ которое погруженъ народъ. Само правительство слишкомъ хорошо понимаетъ это; отсюда его безпощадныя преслѣдованія тѣхъ людей, которые устроиваютъ народныя школы и учатъ народъ не краткому катехизису и псалтырю, но предметамъ полезнымъ и развивающимъ; отсюда его система держать народъ въ томъ-же вѣковомъ невѣжествѣ. Народъ дѣйствительно преданъ Александру II, но не потому только, что онъ *царь,* а потому, что Александръ II въ его глазахъ — его освободитель, милостивецъ и защитникъ. Во всѣхъ бѣдахъ и скорбяхъ народныхъ виноватъ не царь, а его совѣтники — *дворяне.* Со дня изданія перваго манифеста о „волѣ“, пошли въ народѣ толки, перешедшіе въ народную вѣру, что дворяне *сбиваютъ* царя, не даютъ ему дѣлать того, что онъ хочетъ сдѣлать, *портятъ волю.* Послѣ манифеста 19 Февраля и изданія „Положеній“, это мнѣніе еще болѣе утвердилось. Народъ былъ убѣжденъ, что данная воля „*подложная, дворянская*“, что помѣщики обманываютъ мужиковъ и

хотятъ вновь закабалить ихъ, что скоро царь пришлетъ „настоящую, вольную волю“, въ силу которой вся земля будетъ мужицкая, а не барская. Это несчастное заблужденіе, эта несчастная вѣра въ царя, котораго обманываютъ, „обходятъ“, который самъ по себѣ не можетъ рѣшиться на такую вопіющую несправедливость, какою былъ манифестъ 19 Февраля и „Положенія“, дорого стали народу. Крестьяне отказывались служить помѣщикамъ, подписывать уставныя грамоты и во всѣхъ концахъ Россіи потекла кровь этихъ беззащитныхъ, безоружныхъ и несмысленныхъ людей. Дикіе сатрапы стрѣляли, рѣзали и засѣкали несчастный народъ, который послѣ всѣхъ уроковъ еще не опамятовался и въ массѣ остался при томъ-же наивномъ убѣжденіи, что царя „обошли“, что не онъ самъ, а помѣщики испортили волю. И до сихъ поръ онъ вѣритъ въ иную, *настоящую волю,* какъ евреи въ пришествіе Мессіи.

Всѣ крестьяне были несомнѣнно убѣждены, что выстрѣлъ сдѣлалъ *помѣщикъ* изъ мести и желанія послѣ смерти царя окончательно испортить волю и опять воротить крѣпостное право. Народное движеніе было движеніемъ чисто демократическимъ, враждебнымъ дворянству и всему тому, что носитъ на себѣ печать барства и аристократизма. Смерть Александра II была бы сигналомъ къ избіенію

помѣщиковъ и Каракозовъ очень хорошо понималъ это. Глубокое убѣжденіе, что при жизни настоящаго государя невозможно ни какое народное движеніе противъ правительства, и привело его къ сознанію необходимости смерти Александра II: онъ, помимо „ада“ и всякихъ разсужденій о всемірныхъ революціонныхъ комитетахъ, рѣшилъ убить лицемѣрнаго царя, задерживающаго народную жизнь, давящаго народныя*) силы, и тогда уже никакая земная сила, кромѣ смерти, не могла остановить его.

Наконецъ оффиціальнымъ путемъ стало извѣстно, что онъ русскій, не смотря на клятвенныя завѣренія *Московскихъ Вѣдомостей*, что онъ „не можетъ быть русскимъ“. Въ телеграммѣ говорилось, что онъ проповѣдывалъ крайнія ученія соціализма. Тогда накипѣвшая злоба, самая гнусная и презрѣнная, злоба на все молодое, свѣжее и здоровое нашла себѣ достаточное оправданіе. Тутъ уже не однѣ *Московскія Вѣдомости* съ своими единомышленниками отличались, нѣтъ, всѣ маски, всякія „стыдливыя покровы“ были сброшены — и передъ

*) „Московскія Вѣдомости“ по обыкновенію провралисъ отъ излишняго усердія. Онѣ торжественно объявили однажды, что если бы увѣренія иностранныхъ газетъ, утверждавшихъ, что преступникъ русскій, оказались справедливы, то этотъ фактъ доказывалъ бы, что связь между русскимъ царемъ и народомъ порвалась. И вдругъ въ слѣдующемъ No. убійственная телеграмма. Казусъ этотъ прошелъ незамѣченнымъ.

нами, во всей ихъ омерзительной наготѣ, предстали и эти прежніе Либералишки, и эти скромные Молчалины, не рѣшавшіеся „свое сужденіе имѣть“, и эти втихомолку яривішіеся мужи, до сей поры весьма нерѣшительно поддакивавшіе *Моск. Вѣдомостямъ.* Правительство также перестало стѣсняться и тѣ начала, которыя оно проводило подъ сурдинкой, въ секретныхъ предписаніяхъ къ разнымъ предержащимъ властямъ, въ постоянномъ гоненіи и угнетеніи прессы, въ постоянномъ преслѣдованіи просвѣщенія и всего того, что могло бы вывести народъ изъ его вѣковаго отупѣнія, оно высказало теперь смѣло, открыто, не краснѣя и торжественно, оффиціально признало ихъ исходной точкой своей системы въ знаменитомъ рескриптѣ отъ 13 Мая на имя предсѣдателя совѣта министровъ и впослѣдствіи предсѣдателя Верховнаго Уголовнаго Суда, кн. Гагарина. Все что прежде пряталось отъ дневнаго свѣта и боялось высказаться открыто и обнаружить свои истинныя чувства, вмигъ зашевелилось. Наружу всплыла вся грязь и тина, „откупорились всѣ стклянки“, помойныя ямы и зловонныя клоаки. Величались и хвастались тѣми убѣжденіями, которыхъ прежде стыдились, гнушались, презирали и боялись паче позорнаго клейма. Обнаружилась, вся та нравственная порча, все то дикое невѣжество, кровожадное, необузданное, которое ни-

когда не доходило до такихъ неистовствъ въ самый разгулъ польской революціи.

Къ стаѣ „единомышленниковъ“ Муравьева и Каткова присоединились студенты московскаго университета, того самаго, въ которомъ учились Каракозовъ, Юрасовъ, Ермоловъ, Странденъ и другіе. Хожденіе къ Иверской, пѣніе подъ окнами Каткова, слишкомъ извѣстныя безобразія и говорить объ нихъ снова я считаю совершенно излишнимъ. Но вотъ новый, характерный фактъ. Студентъ С. замѣтилъ въ отхожемъ мѣстѣ, что оно — единственное приличное мѣсто для совершенія тѣхъ безобразій, которыя позволяли себѣ студенты (эти достойные юноши сбивали шапки со встрѣчныхъ): Двое изъ присутствовавшихъ при этомъ студентовъ изъ породы „*аристократовъ*“ (къ моему искреннему сожалѣнію я забылъ ихъ фамиліи и потому прошу сообщить ихъ, кто знаетъ) немедленно отправились съ доносомъ къ инспектору и даже нѣсколько исказили текстъ фразы съ понятною цѣлью. Камеръ-юнкеръ, бывшій адъютантъ, И. И. Красовскій, просилъ ихъ оставить „эти пустяки“. Къ тому-же, убѣждалъ онъ своихъ питомцевъ, что С. кончаетъ курсъ, держитъ экзамены, подобное дѣло можетъ повредить его карьерѣ. Но этого-то собственно и добивались ученики Баршева, ибо преступленіе влечетъ за собою наказаніе. Они настояли, чтобы

дѣло пошло формальнымъ порядкомъ. С. засадили въ часть, таскали на допросы, но черезъ мѣсяцъ, московская слѣдственная комиссія въ лицѣ гг. Беринга, Позняка и Воейкова, оправдала то, чего не могли оправдать студенты юридическаго факультета московскаго университета!..

Трезвымъ студентамъ не уступали *пьяные* офицеры, сапожники, купчики. Въ трактирѣ *Саратовъ*, офицеръ едва не изрубилъ нѣмца, который глубокомысленно замѣтилъ, что радоваться можно и даже должно, но зачѣмъ-же безобразничать; тамъ двое приличныхъ джентельменовъ (ужь не студенты-ли?) нигилистку прибили, а синіе очки разбили; тамъ пьяная толпа, несшая на палкѣ портретъ Комисарова, помяла бока господина, неснявшаго шапку (видимое подражаніе *трезвымъ* студентамъ), а другаго, отказавшагося купить портретъ Комисарова съ супругой, арестовали. Веселое было время!

На площадяхъ и у всѣхъ, такъ называемыхъ *воротъ* (пречистенскихъ, никитскихъ и пр.), служились молебны. Ихъ устроивали мѣстные торговцы. Для этого на скоро сколачивалась эстрада и нѣчто въ родѣ деревяннаго балагана, открытаго съ одной стороны; приглашались трубачи, иверская и духовенство. Собирались толпы зѣвакъ и народъ (онъ скоро охладѣлъ) принималъ участіе въ качествѣ простаго зрителя любопытнаго, но совер-

шенно равнодушнаго и безразличнаго къ смыслу торжества. Впослѣдствіи онъ даже почти не кричалъ ура, въ силу чего расхаживали въ толпѣ бутари и внушали патріотическія чувства кулаками — а также и религіозныя. Кто не становился на колѣни, того влекли въ сибирку и толпа преклоняла колѣни, въ грязь, въ лужи и въ мокрый снѣгъ. По окончаніи молебна трубачи трубили „боже царя храни“, иверская садилась въ карету и уѣзжала на промыслъ, а хоръ мальчишекъ съ акомпаниментами бутарей, что есть мочи голосилъ ура, но по большей части слышалось *уля*, такъ какъ кричали почти исключительно ребятишки отъ 5 до 14 лѣтъ включительно. Пьянство было повальное. Пили шампанское, и сивуху; поили народъ и на красной площади, и на тверской, гдѣ въ 1861 г. онъ билъ студентовъ. Онъ пилъ, кричалъ ура и толпами бѣжалъ, чтобы выпить на даровщинку и поглазѣть, но о „восторгѣ патріотическомъ“ и помину не было! Вотъ очень характеристичный случай. Идетъ пьяный мужикъ, пѣсню поетъ (тогда въ часть не брали, и народъ таки потѣшился надъ однимъ рьянымъ квартальнымъ, поставленнымъ въ невозможность дать въ зубы и повлечь въ сибирку). „Эхъ, ты, мужланъ, нализался въ такой день“, замѣтилъ ему сѣдовласый, пузатый купецъ. „Нализался! а какъ не нализаться то. Мы этакого то дня, подика-сь,

съ самой коронаціи ждали". Это мы собственными ушами слышали.

Во главѣ этого движенія шли, конечно, московскіе сросшіеся публицисты. Каждый No. *Московскихъ Вѣдомостей* заключалъ въ себѣ новый доносъ. Не было статейки въ этой полицейской газетѣ, которая бы не содержала въ себѣ какого нибудь намека, указанія. Имъ мало было нигилистовъ, *Современника,* Жуковскаго etc., они доносили на семинаріи, школы, *Губернскія Вѣдомости,* они съ ужасомъ указывали правительству, что люди, много лѣтъ „упражнявшіеся" въ нигилистическихъ журналахъ, занимаютъ мѣста управляющихъ палатъ, т. е. Салтыковъ (въ Пензѣ предс. контрольной палаты)*). Въ своемъ преслѣдованіи нигилизма и нигилистовъ *Моск. Вѣдомости* дошли до потери всякаго смысла, до смѣшнаго, до уродливаго. Ношеніе длинныхъ волосъ или синихъ очковъ, было поступкомъ, съ точки зрѣнія Каткова, близко граничащимъ съ дѣломъ государственной измѣны. Сударыня, вы острижены, у васъ нѣтъ кринолина, берегитесь. Стриженые волосы и отсут-

*) Кстати: Саратовское дворянство (депутація, являвшаяся въ Петербургъ) донесло на упр. контр. п. Головачева, сначала Муравьеву, а потомъ форменнымъ порядкомъ Шувалову, что Головачевъ видимо неблагонамѣренный человѣкъ, что онъ не былъ на радостныхъ обѣдахъ и не подписалъ адресса. Похвально!

ствіе кринолина суть несомнѣнные признаки нигилистки. А что такое нигилизмъ? Нигилизмъ есть государственная измѣна. Значитъ, умозаключали *Моск. Вѣдомости,* стриженые волосы и отсутствіе кринолина государственная измѣна. Вездѣ и во всемъ, въ статьяхъ Мазада и въ синихъ очкахъ, въ „вопросѣ молодаго поколѣнія“ и въ отсутствіи кринолина, глубокомысленному и проницательному публицисту мерещились признаки подземной интриги, адской махинаціи. Московская полиція не отставала отъ своего вождя. Муравьевъ въ Петербургѣ выдавалъ нигилисткамъ желтые билеты, Арановъ въ Москвѣ разослалъ по частямъ циркуляръ, видимо составленный редакціей *Моск. Вѣдомостей* и начинавшійся словами: „Такъ какъ среда, взростившая въ своей средѣ Каракозова, заклеймила себя въ глазахъ общества — (бойкое перо! сейчасъ видно кому принадлежитъ), между тѣмъ на бульварахъ и на улицахъ встрѣчаются личности, осмѣливающіяся носить костюмъ, присвоенный сказаной средѣ, то предписывается г. частному такой-то части обязать подпиской всѣхъ нигилистокъ, живущихъ въ его участкѣ, не стричь волосъ, носить шиньоны и кринолины и не носить синихъ очковъ и маленькихъ круглыхъ шляпокъ. Буде-же нигилистка откажется дать требуемую подписку, или-же давши оную, будетъ продолжать

стричь волосы, носить очки, круглую шляпку и не носить кринолинъ, то выслать ее административнымъ порядкомъ изъ Москвы въ теченіи 24 часовъ. Всѣмъ членамъ полиціи вмѣняется встрѣчную нигилистку брать въ часть для отобранія подписки, буде-же оная окажетъ сопротивленіе — высылать изъ Москвы". Если я, кромѣ первой фразы, не буквально передалъ этотъ циркуляръ, то смыслъ его переданъ мною съ буквальной точностью — ручаюсь въ томъ. Въ большое затрудненіе ставили частныхъ эти круглыя шляпки. Какія именно? рисунка не было приложено при циркулярѣ, а круглыя шляпки были въ модѣ, ихъ носили всѣ, ихъ носили полицейскія дамы и дѣвицы.

Чтобы окончательно уронить нигилизмъ въ глазахъ общества, московская полиція измыслила слѣдующую мѣру: Однажды (недѣли черезъ двѣ послѣ выстрѣла) на Тверскомъ бульварѣ появился полицейскій, изображавшій нигилиста. Видъ онъ имѣлъ самый необузданный, по рецепту г. Клюшникова. Волосы всклокоченные, косматые, длинные, костюмъ какой-то чудовищный, невозможный, шляпа необычайнаго вида и величины; въ рукѣ толстая, сучковатая дубина, а на глазахъ и на лбу нѣсколько паръ синихъ очковъ, разнообразной формы и величины. Ходилъ онъ по бульвару, окруженный толпою мальчишекъ, и зычнымъ голосомъ кричалъ

самыя пошлыя нелѣпицы, самыя глупыя выходки, между прочимъ: „я нигилистъ! я соціалистъ! я другъ Каракозова!“ И это на бульварѣ, полномъ публики, явной и тайной полиціи, передъ окнами оберъ-полицмейстерской квартиры. Не правда-ли, остро?

Да, это была такая лубочная и грубая продѣлка, что самая полиція рѣшилась черезъ три дня убрать этого нигилиста.

По части изобрѣтательности московская полиція пасовала передъ петербургскою и должна была подражать ей, дѣлать то, что уже было сдѣлано въ Петербургѣ, на пр. вмѣнить въ обязанность публичнымъ женщинамъ остричь волосы, надѣть синіе очки, словомъ сказать, преобразоваться въ „нигилистокъ“.

ГЛАВА IV.

Дѣйствія Муравьевской слѣдственной комиссіи. — Ермоловъ, Мотковъ и прочіе „чистосердечно-кающіеся“. — Большинство вынуждено подтвердить нѣкоторыя изъ ихъ показаній — Муравьевъ заканчиваетъ слѣдствіе надъ „главными преступниками“ и передаетъ его верховному уголовному суду. — Приговоръ Муравьева. — Князь П. П. Гагаринъ и образъ его дѣйствій.

Что же дѣлала верховная слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ знаменитаго палача? До

сихъ поръ мы видѣли только ея неудачные опыты надъ Каракозовымъ; но мы уже знаемъ, что „слѣпой“ случай навелъ ее на слѣды людей, близкихъ Каракозову, и предалъ въ ея руки ту „среду, по выраженію полицейскихъ публицистовъ, изъ которой вышелъ преступникъ“. Эти люди съ первой же половины Апрѣля томились въ Петропавловскихъ казематахъ, окруженные широкою рѣкой, крѣпкими стѣнами и стражей вѣрною. Муравьевъ накинулся на нихъ со всею яростью и неукротимостью своего звѣрскаго характера. На допросахъ онъ, по русской пословицѣ, „и рвалъ, и металъ“, но если его дикія, солдатско-кабачныя ругательства, угрозы пытать, всѣ жилы повытянуть, всѣ составы переломать, на медленномъ огнѣ живьемъ изжарить; если оставленія безъ пищи или на одномъ хлѣбѣ и водѣ цѣлыя недѣли и другія подобныя мѣры не могли запугать такихъ людей, каковы, напримѣръ, Юрасовъ или Странденъ, то нашлись натуры слабыя, робкія, ничтожныя, не могшія вынести перваго столкновенія съ суровою лѣйствительностью крѣпости, допроса и цѣлаго ряда всевозможныхъ пытокъ. Первымъ былъ Ермоловъ. Онъ упалъ духомъ до поразительной степени, въ немъ исчезъ всякій слѣдъ энергіи и та рьяность, которая обманывала прежде многихъ не дальнозоркихъ и довѣрчивыхъ людей. Онъ сдѣлался жалокъ и буквально пре-

вратился въ мокрую тряпку, изъ которой слѣдователь могъ выжимать все, что̀ ему было нужно. Добившись нѣкоторыхъ показаній отъ Ишутина и полнаго раскаянья отъ Ермолова, комиссія получила возможность дѣйствовать не ощупью, не на угадъ, но по опредѣленному и довольно ловко задуманному плану. Впрочемъ этотъ планъ не отличался ни оригинальностью, ни новизной или особеннымъ остроуміемъ замысла, ни даже искуснымъ исполненіемъ (о послѣднемъ мы судимъ по результатамъ). Онъ состоялъ въ спутываньи, въ обманѣ, поддѣлкѣ показаній, въ недаваніи очныхъ ставокъ, въ застращиваньи. Напримѣръ, А. въ сильномъ подозрѣніи; наконецъ комиссіи удается получить отъ Б. два, три показанія на А. Тогда ему объявляютъ, что Б. его обвиняетъ въ томъ-то; перечисляютъ всѣ обвиненія и подозрѣнія, какія только имѣются; говорятъ, что показываетъ на васъ Б. и подтверждаютъ такіе то. А или сознается, или же не вѣритъ и требуетъ очной ставки? Ему обыкновенно отвѣчаютъ, что Б. на допросѣ, но читаютъ его показанія и подпись показываютъ, послѣ чего А., по большей части, кое-что признаетъ; кое-что отрицаетъ; его разъясненія очень часто даютъ пищу для обвиненія новыхъ лицъ или для усиленія вины старыхъ; больше же всего получается матерьяла противъ Б., котораго слѣдователь

съумѣлъ выставить доносчикомъ. Такимъ образомъ ростетъ и строится грозная батарея обвиненій, наговоровъ, уликъ; сѣти запутываются все гуще и непроницаемѣе и бьется въ нихъ цѣлый рой мухъ и мошекъ, возведенныхъ въ званіе „государственныхъ преступниковъ“. Я не стану перечислять всѣхъ хитростей и уловокъ этой гнусной, шулерской игры, гдѣ ставкою были десятки человѣческихъ жизней, такъ какъ читателю, я надѣюсь, уже достаточно ясенъ ея смыслъ. Подробное перечисленіе всѣхъ этихъ передергиваній и подтасовокело бы насъ слишкомъ далеко. Результатомъ ихъ было между прочимъ то, что Ишутинъ заподозрилъ Худякова и взвелъ на него много тяжкихъ обвиненій. Однако Худяковъ, не смотря ни на какія истязанія и жандармскіе кулаки, не далъ выпытываемыхъ признаній.

Въ концѣ Апрѣля былъ взятъ Мотковъ. Еще въ Москвѣ, при арестованіи его полковникомъ Воейковымъ, онъ обнаружилъ такой упадокъ духа, такую потерю мужества, которые въ будущемъ не обѣщали ничего хорошаго. И это опасеніе вполнѣ оправдалось. Его показанія, также какъ и показанія Ермолова, запутывали большое количество новыхъ лицъ. (Ермоловъ при своихъ показаніяхъ приложилъ, конечно по требованью Муравьева, списокъ лицъ, которыя принадлежали къ

организаціи или же посѣщали сходки.) На сколько былъ полонъ этотъ списокъ — судить не наше дѣло... (Не могу, однако не упомянуть, что въ списокъ было внесено много лицъ, совершенно непричастныхъ, фактически, офиціозно и неоспоримо доказавшихъ свое alibi и бывшихъ извѣстными Ермолову только по слухамъ). Онъ былъ отосланъ въ Москву и по немъ производились аресты. Онъ же служилъ и уликой, и главнѣйшимъ доказательствомъ противъ допрашиваемыхъ: дескать, смотрите, подлинный, присланъ отъ самаго Муравьева, а вотъ и ваша фамилія, значитъ запираться ужъ нечего. Но между Ермоловымъ и Мотковымъ существуетъ громадная разница, выяснить которую передъ читателемъ я считаю необходимымъ, какъ потому, что нахожу данный фактъ очень поучительнымъ для нѣкоторыхъ, такъ и по многимъ, не менѣе уважительнымъ причинамъ, изложеніе которыхъ я считаю неумѣстнымъ. И Ермоловъ и Мотковъ считались вполнѣ честными людьми, очень стойкими и неспособными продать *своихъ* ни изъ-за трусости, ни изъ-за чечевичной похлебки. И тотъ и другой оказались не тѣмъ, чѣмъ ихъ считали, но и того и другого *мы* не посмѣемъ поставить на одну доску. Ермоловъ дѣйствовалъ, какъ человѣкъ совершенно потерявшій голову, совершенно подавленный и уничтоженный обрушившимся на

него несчастьемъ. Встрѣчали-ли вы людей сильно боящихся пожара, которые увидали свой домъ въ огнѣ? въ числѣ ихъ попадаются такіе субъекты, съ которыми въ эти минуты дѣлайте что хотите: прибейте ихъ, оберите, они сами подставятъ вамъ шею, они сами отдадутъ вамъ шкатулку съ своими драгоцѣнностями. До полнаго уничтоженія своего *я*, своей личности доходятъ многіе въ трудныя минуты своей жизни. Это люди жалкіе; они внушаютъ мало уваженія и еще меньше довѣрія, но никто не посмѣетъ бросить въ нихъ камень и упрекнуть ихъ въ подлости. Ермолова можно причислить къ классу этихъ людей. Онъ дѣлалъ свои révélations, не выгораживая себя, не изображая свою личность тою невинною и вовлеченною добродѣтелью, которой у насъ придается эпитетъ *казанской сироты.* Онъ не старался непремѣнно доказать свои показанія и уличить Н., и если Н. отпирался и отвергалъ его наговоры, то Ермоловъ или сознавался въ своей ошибкѣ, или же говорилъ, что вѣрно не упомнитъ и утверждать положительно своихъ словъ не можетъ, но никогда не подыскивалъ новыхъ уликъ, новыхъ фактовъ обвинительныхъ или доказывающихъ старое обвиненіе. Иное дѣло Мотковъ. Онъ шелъ къ извѣстной, заранѣе намѣченной и опредѣленной цѣли, онъ рѣшилъ, *во что бы то ни стало,* спасти себя, а тому, кто

разъ приметъ это рѣшеніе, путь ясенъ*). Чего добивалась комиссія отъ подсудимыхъ? Полнаго сознанія? Да, но этого ей было слишкомъ мало; она требовала отъ сознающагося — обвиненія новыхъ лицъ, и чѣмъ болѣе выдавали показаній, чѣмъ большее количество лицъ впутывали, чѣмъ большее количество уликъ и обвиненій представляли, тѣмъ въ большій faveur попадали къ Муравьеву, тѣмъ слаще улыбалась вамъ надежда и вы уже начинали вкушать плоды своего добронравія: кофе, сдобныя булочки и разныя деликатессы сыпались на вашу главу. А мягкое и нѣжное, даже, можно сказать, родительское обхожденіе столь строгаго начальства!**) И Мотковъ вполнѣ заслужилъ благоволеніе комиссіи, уловивъ ея мысль и споспѣшествуя раскрытію зла. Онъ не только впуталъ новыхъ лицъ, совершенно непричастныхъ, о которыхъ комиссія не слыхала и не справлялась, онъ доказывалъ *горячо* правдивость своихъ обвиненій

*) Во избѣжаніе ложнаго истолкованія моихъ словъ, замѣчу слѣдующее: Вѣроятно каждый изъ обвинявшихся имѣлъ цѣлью спасти себя, что конечно преступно только съ точки зрѣнія Муравьева. Но очень не многіе рѣшились достигнуть этого, завязывая другимъ петлю и услужливо сталкивая ихъ въ яму.

**) Въ сущности надежды обманчивыя, и Муравьевъ одинаково распорядился какъ съ каявшимися, такъ и съ упорными.

и наговоровъ, онъ уличалъ васъ, онъ дѣлался вашимъ слѣдователемъ и слѣдователемъ злостнымъ, ловящимъ каждую вашу фразу, вашимъ обвинителемъ, свидѣтелемъ противъ васъ; чтобъ упечь своего пріятеля, онъ припоминалъ десятки новыхъ обвинительныхъ фактовъ, припоминалъ и цитировалъ ваши слова, выкапывалъ тысячи забытыхъ и ничтожныхъ мелочей-уликъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выгараживалъ себя, выставлялъ свои поступки въ самомъ ярко-бѣломъ цвѣтѣ невинности и давалъ имъ самый безобидный смыслъ. Уличая васъ въ какомъ нибудъ революціонномъ поступкѣ, онъ припоминалъ вамъ, какія при этомъ были на васъ панталоны, съ какой булавкой галстухъ, какая была погода и какія книги лежали на вашемъ столѣ, какую папиросу вы курили, какъ отряхали пепелъ, кто находился въ комнатѣ, все припоминалъ Мотковъ, чтобъ доѣхать пріятеля! Онъ повредилъ очень многимъ, многихъ едва не подвелъ подъ висѣлицу, напр. инженернаго офицера Михайлова. Онъ его видѣлъ раза два; комиссія о Михайловѣ, если не ошибаюсь, даже не освѣдомлялась, что̀ однако не помѣшало Моткову донести, будто бы Михайловъ составилъ планъ предполагавшагося людиновскаго завода (для мальцевскихъ илотовъ) и варганки (плавильной печи), или, другими словами, обвинилъ его въ принадлежности къ органи-

зацiи и въ активномъ содѣйствiи мѣрамъ, клонящимся къ достиженiю экономической и соцiальной революцiи и ниспроверженiя правительства во всемъ государствѣ. Еслибы Моткову удалось доказать свои обвиненiя, Михайлова, какъ военнаго инженера, предали бы военному суду и черезъ 24 ч. разстрѣляли; но къ счастiю, всѣ усилiя Моткова оказались тщетными. Михайловъ съумѣлъ довести его до абсурда и необходимости замолчать, и совершенно отвергнулъ всѣ обвиненiя. (Съ Мотковымъ очныя ставки многимъ давались, такъ какъ Муравьевъ убѣдился въ немъ. Эпизодъ съ Михайловымъ очень интересенъ въ своихъ *подробностяхъ*).

Рядомъ съ Мотковымъ выступаетъ Дмитрiй Ивановъ, сначала съ неукротимою болтливостью повѣствовавшiй передъ московскою слѣдственною комиссiей, но скоро отправленный для „чистосердечныхъ признанiй“ предъ свѣтлые очи Муравьева. Онъ успѣлъ снискать благорасположенiе обѣихъ слѣдственныхъ комиссiй и въ заключенiе даже удостоиться монаршаго благоволенiя. Это-то благоволенiе, объявленное 4-го Октября на Смоленскомъ Полѣ и опубликованное во всѣхъ русскихъ газетахъ, можетъ служить лучшею рекомендацiею для Дм. Иванова и самымъ неотразимымъ комментарiемъ его дѣятельности, что̀ избавляетъ меня отъ истинно-грустнаго труда говорить объ немъ.....

Кромѣ этихъ двухъ лицъ, нельзя не упомянуть о Петерсонѣ, Борисовѣ и Соболевѣ. Болѣе всѣхъ поражаетъ Петерсонъ какою-то тупою, идіотическою наглостью. Онъ *буквально изъ любви къ искусству* оговорилъ Никифорова ни болѣе, ни менѣе, какъ въ *намѣреніи повторить неудавшійся выстрѣлъ 4-го Апрѣля,* за что Никифоровъ энергически отрицалъ чудовищную клевету, но Муравьеву, для произнесенія приговора, не требовалось сознанія подсудимаго и никакихъ другихъ доказательствъ, кромѣ доноса, оговора). О Борисовѣ и Соболевѣ, которые вкупѣ съ Дм. Ивановымъ замѣшали множество совершенно постороннихъ и непричастныхъ лицъ, вслѣдствіе показаній которыхъ начато въ послѣднее время нѣсколько новыхъ дѣлъ, будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ.

Послѣ показаній Ермолова, Моткова, Ишутина и другихъ, большинство было поставлено въ невозможность не признать нѣкоторыхъ обвиненій. Показанія началъ давать даже Каракозовъ, но показанія сбивчивыя, противурѣчивыя, уничтожающія одно другое, что онъ дѣлалъ съ благородною цѣлью имѣть полную возможность отказаться отъ нихъ въ рѣшительныя минуты. Всѣмъ подсудимымъ дѣло казалось безнадежнымъ; разрушительнымъ и подавляющимъ образомъ дѣйствовало на многихъ заключеніе. Пища была отвратительная: супъ попо-

ламъ съ грязью, мутный и водянистый, въ которомъ плавалъ маленькій кусокъ говядины, похожей и по виду и по вкусу на грязную тряпку, да нѣсколько зеренъ риса; котлета, напоминавшая жеваную подошву, о которой никто не можетъ вспомнить безъ тошноты. Между тѣмъ на каждаго отпускалось 25 к. с., а на тѣхъ, которые сидѣли въ Алексѣевскомъ равелинѣ, 70 или 80 к. с. (Этихъ счастливцевъ было трое: Каракозовъ, Ишутинъ и Худяковъ; послѣдній попалъ туда по протекціи Каткова). Вотъ что значатъ русскіе законы: и въ преступленіи чины, и по чинамъ оклады! Допросы были единственнымъ развлеченіемъ. Муравьевъ неистовствовалъ. Онъ почти никогда не говорилъ тихо, но кричалъ и ругался самыми безобразными и непечатными выраженіями, не только tête à tête съ подсудимымъ, но въ присутствіи принцевъ крови и цѣлой коллекціи генераловъ, и производилъ омерзительное впечатлѣніе — не ужаса, но отвращенія неизобразимаго. Толстый, обрюзглый, съ лицомъ выражающимъ скотское звѣрство и тупое упрямство, съ пѣной у рта, съ глазами, налившимися кровью, обезображенный злобой, онъ былъ такъ гадокъ, какъ только можетъ быть гадокъ человѣкъ, утратившій всякую черту человѣческую. Онъ былъ крайне плохой слѣдователь, неспособный открыть истины, добиться сознанія, запутать вопросами;

ни на одну струну человѣческаго сердца не могъ онъ подѣйствовать, кромѣ страха, и потому-то имѣлъ вліяніе только на робкія или ничтожныя натуры, на Мотковыхъ и Ермоловыхъ. Другихъ его допросы ожесточали и на глухо заклеивали, выражаясь метофорически, ихъ уста. Впрочемъ, Муравьевъ, какъ я уже замѣтилъ, не особенно нуждался въ сознаніи; онъ ограничивался голословными разсказами Мотковыхъ и очевидной клеветой Петерсоновъ. Его опричники были искуснѣе, но какія употребляли мѣры дознанія и они, лучше всего доказываетъ слѣдующій фактъ. (Онъ доказываетъ также, на сколько *вообще* безпристрастно производилось слѣдствіе). Этотъ фактъ относится къ области неоспоримыхъ, офиціальныхъ, актами формальными заявленныхъ фактовъ, и потому обязателенъ для всѣхъ, т. е. и для читателей *Сѣверной Почты* и всяческихъ полицейскихъ вѣдомостей. Худяковъ во время одного допроса оторвалъ клочекъ отъ своихъ показаній и положилъ его въ ротъ. Замѣтивши это, слѣдователь Никифораки*) бросился на Худякова, *билъ его по лицу до крови* и *приказалъ* жандармамъ „*лупить его какъ собаку*“. Расправа обыденная и домашняя, но увы, теперь

*) Если я невольно исказилъ фамилію, то прошу знающихъ исправить мою ошибку. Несомнѣнно только то, что она греческая и съ окончаніемъ „раки“.

она совершилась чуть-ли не въ присутствіи цѣлой слѣдственной комиссіи, словомъ, при обстоятельствахъ, не допускавшихъ возможности скрыть это обычное дѣло. Составленъ былъ формальный актъ и некстати поусердствовавшій негодяй былъ удаленъ отъ дальнѣйшаго участія при производствѣ слѣдствія, верховный же уголовный судъ принялъ этотъ фактъ во вниманіе, что послужило однимъ изъ смягчающихъ обстоятельствъ. Если таковы были опричники Муравьева, то предоставляю судить читателямъ, каковъ былъ самъ палачъ съ глазу на глазъ съ подсудимымъ, изъ котораго ему хотѣлось, во что бы то ни стало, выпытать признаніе*).

Наконецъ Муравьеву, со всѣми натяжками и неправдами, удалось привести къ концу слѣдствіе надъ главными преступниками; ему удалось раскрыть этотъ чудовищный заговоръ, раскинувшій сѣть по всему лицу Россіи и Европы, имѣвшій цѣлью ниспроверженіе правительствъ на всемъ

*) Вотъ свидѣтельство лица, очень высоко поставленнаго, заподозрить которое въ измѣнѣ или въ сочувствіи нигилизму не посмѣетъ ни одинъ Катковъ, сколько ихъ тамъ ни есть въ Россіи. Это лицо, впослѣдствіи занявшее мѣсто Муравьева, писало въ началѣ дѣла: „Я принужденъ былъ выдти изъ этой слѣдственной комиссіи, такъ какъ дѣло ведется пристрастно, недобросовѣстно. Приводятъ лицъ заранѣе обвиненныхъ, осужденныхъ и приговоренныхъ".

земномъ шарѣ, экономическій переворотъ, соціальную революцію, дѣлежъ собственности и т. д., и т. д. Общимъ выводомъ изъ своихъ неутомимыхъ изысканій, заключительнымъ словомъ Муравьева былъ приговоръ, который онъ представилъ верховному уголовному суду. Этотъ приговоръ, замѣчательный по своей развратной жестокости и необузданной кровожадности, можетъ служить лучшимъ комментаріемъ его дѣятельности во время польскаго возстанія: Невольный ужасъ, поднимающій волосы на головѣ, охватываетъ человѣка при мысли, сколько ненужныхъ злодѣяній совершилъ этотъ гнусный злодѣй и сколько невинной крови пролилъ онъ,— ненужныхъ и невинной даже съ точки зрѣнія кн. Гагарина и принца Ольденбургскаго. Муравьевъ приговорилъ къ смертной казни одинадцать человѣкъ: *Каракозова, Кобылина, Ишутина, Худякова, Страндена, Юрасова, Николаева, Загибалова, Никифорова, Ѳедосѣева* и нашего *Моткова**). Остальныхъ къ каторжной работѣ — вѣчной и срочной на 20 лѣтъ и немного менѣе, словомъ, пожаловаться никто не могъ, никто не былъ обдѣленъ и обсчитанъ. Этотъ приговоръ былъ объявленъ подсудимымъ, которые сначала приняли его за окон-

*) Онъ никому не дѣлалъ пощады и плохіе математики были люди, расчитывавшіе спасти себя выдачей своихъ товарищей.

чательное рѣшеніе ихъ участи. Большинство выслушало его совершенно спокойно; многіе съ большимъ волненіемъ и только одинъ Ермоловъ опять не выдержалъ: онъ задрожалъ и истерически зарыдалъ, такъ что его почти безъ чувствъ вынесли изъ залы.

Однако утвердить этотъ кровавый и безосновательный приговоръ, верховный уголовный судъ не могъ. Для того, чтобъ убить одинадцать человѣкъ, изъ которыхъ многіе были виноваты только тѣмъ, что ихъ оговорили, нужно быть такимъ-же заклятымъ, закоснѣлымъ и тупоумнымъ злодѣемъ, каковъ былъ Муравьевъ. Князь Гагаринъ *), не смотря на свои рабовладѣльческія традиціи, холопскую покорность монаршей волѣ и свою былую дѣятельность, не можетъ быть названъ Муравьевымъ. Это не кровожадный звѣрь, не уродливый злодѣй, рѣжущій людей, не задумываясь, не дающій промаху и наслаждающійся муками жертвы;

*) Замѣтимъ разъ и навсегда, что кн. Гагаринъ заключалъ въ своемъ лицѣ весь верховный уголовный судъ. Онъ былъ единственнымъ дѣйствующимъ и дѣйствительнымъ членомъ; остальные играли совершенно пассивную роль, исполняя очень добросовѣстно декоративную часть. (Спрашивается: ради чего, какъ не ради украшенія, необходимаго аксесуара, присутствовала здѣсь изъ ума выжившая мумія Карніолина-Пинскаго? Или-же онъ изображалъ собой скинію Завѣта?) Потому я не буду дѣлать ошибки, часто замѣняя верховный уголовный судъ именемъ его предсѣдателя.

это искусный дипломатъ, опытный министръ и ловкій царедворъ, по выраженію древнихъ піитовъ; если того требуетъ расчетъ, онъ зарѣжетъ и удавитъ, не останавливаясь передъ количествомъ, но онъ совершитъ это красиво, онъ духами смочитъ кровавыя пятна и шелкомъ перевьетъ пеньковыя веревки. У него есть свой моральный кодексъ; у него есть умъ, у него много такта, который не дозволитъ ему дѣйствовать также не хитро и по медвѣжьи, какъ дѣйствовалъ Муравьевъ. Онъ слишкомъ уменъ для роли Муравьева и если подъ часъ не откажется отъ нея, то — повторяю — эта роль будетъ сыграна имъ изящно и даже величаво; его поступки будутъ удачнѣе мотивированы и лишены того казарменно-острожнаго, остраго запаха, той дикой обстановки заплечнаго мастера... Да, кн. Гагаринъ искусный царедворецъ и просвѣщенный человѣкъ: онъ свѣряется съ барометромъ; онъ внимательно прислушивается къ камертону; онъ зорко слѣдитъ за направленіемъ вѣтра и дѣйствуетъ такъ, какъ *должно* дѣйствовать въ данную минуту. А въ данную минуту не требовалось смерти такого количества жертвъ; противъ Муравьева замѣчалась реакція. Александръ II пилъ чай у опальнаго Суворова, пробылъ у него цѣлый вечеръ, и Муравьевъ въ свою очередь впалъ въ видимую опалу, ergo, открывался широкій просторъ

грошевому великодушію и фальшивой справедливости — ничѣмъ невиннымъ людямъ, смерть благодушно могла замѣниться каторгой.

Да, есть много способовъ *подстановленія* однаго алгебраическаго выраженія другимъ однозначущимъ, и людей, не знакомыхъ съ алгеброй, легко обмануть этимъ фокусомъ. (А многіе-ль у насъ знаютъ эту алгебру?) Но тутъ — поучительно то, что сами профессора раздѣляютъ иногда грубое заблужденіе профановъ. Въ самомъ дѣлѣ, сослать, напримѣръ, въ каторгу или замуровать въ Шлюссельбургскомъ застѣнкѣ; погубить и разбить жизнь человѣка, раздавить его самаго, какъ ничтожнаго червяка, — неправда-ли, вѣдь это не такъ ужасно и безчеловѣчно, какъ отрубить ему голову? Это даже великодушно и милосердо. Не удивительно, что такъ думаетъ масса, не знакомая ни съ алгебраическими тонкостями, ни съ тонкостями юродическихъ способовъ человѣкоубійства, для которой послѣднее существуетъ только въ самой грубой и матерьяльной формѣ. Но удивительно, что совѣсть такихъ моралистовъ, какъ кн. Гагаринъ, очень часто *искренно* идетъ на жалкія сдѣлки и мирится замѣной петли вѣчнымъ застѣнкомъ или каторгой, какъ будто-бы b—c, равное a, не есть тоже самое a?

Но какія-бы побужденія ни управляли кн. Гагаринымъ, какъ-бы ни былъ жестокъ и несправедливъ

постановленный приговоръ, я отдамъ ему должную справедливость. Переходъ въ его руки изъ лапъ Муравьева для подсудимыхъ былъ равносиленъ переходу отъ смерти къ жизни, изъ могильнаго мрака и скорби къ свѣту и надеждѣ. Они сразу почуяли, что насиліе и пытка не висятъ болѣе надъ ними и не грозятъ жандармскіе кулаки и нагайки. Съ ними стали обращаться, какъ съ людьми, которые заслуживаютъ вниманія и уваженія; угрозы, ругательства, солдатское *ты* уступили мѣсто деликатной вѣжливости; ихъ *слушали;* имъ дозволяли оправдываться и ихъ оправданія принимались во вниманіе, какъ заслуживающія довѣрія. Каждое слово, каждая рѣчь подсудимаго, какъ-бы она ни была длинна или нелѣпа подъ часъ, выслушивалась кн. Гагариным съ глубокимъ вниманіемъ, безъ малѣйшихъ знаковъ нетерпѣнія или неудовольствія. Вообще отношенія его къ подсудимымъ были на взглядъ очень добросовѣстны и на требованіе Муравьева выслать ему на допросъ нѣкоторыхъ изъ переданныхъ верховному уголовному суду, онъ отвѣчалъ положительнымъ отказомъ. Подсудимые видѣли въ немъ не палача и не безпощаднаго и неумолимаго врага, но человѣка и даже защитника. Такимъ съумѣлъ явиться кн. Гагаринъ въ ихъ глазахъ, но сущность его кротости и правосудія читатель увидитъ нѣсколко ниже.

ГЛАВА V.

Дѣло переслѣдуется. — Приговоръ Каракозову и Кобылину. — Казнь Каракозова. — Официозная ложь. — Какъ относился народъ къ Каракозову. — Смыслъ послѣдней молитвы Каракозова. — Ея результаты. — Легенда о нигилистахъ.

Разсмотрѣвши слѣдственное дѣло, князь Гагаринъ не могъ не придти къ слѣдующему заключенію: слѣдствіе было произведено пристрастно, съ заранѣе предвзятою мыслью, для доказательства которой употреблены самыя безсовѣстныя уловки, натяжки и ухищренія. Всякое обвиненіе и наговоръ принимались за доказанные факты; обѣгались вопіющія противурѣчія и соглашались самые несогласимые факты; личныя-же показанія подсудимаго, его сознанія принимались только тогда, когда они служили къ его обвиненію; въ противномъ-же случаѣ они положительно игнорировались, равно какъ и всѣ факты, уничтожающіе или ослабляющіе виновность. Стоило напр. какому нибудь шальному негодяю, въ родѣ Петерсона, обвинить васъ въ намѣреніи убить государя и васъ признавали виновнымъ, не смотря на то, что не было никакихъ другихъ доказательствъ, кромѣ голословнаго обвиненія.

Дѣло было вновь переслѣдовано и подсудимые вновь переспрошены. Тогда только открылись имъ глаза и они увидѣли, жертвою какой гнусной интриги и цѣлой системы обмановъ были они!...

Большинство взяло назадъ свои показанія, объявивши, что допросы производились пристрастно и что показанія были вырваны силой угрозъ и жестокаго дознанія.

Прежде всего верховный уголовный судъ рѣшилъ покончить съ Каракозовымъ и Кобылинымъ, такъ какъ виновность однаго была слишкомъ очевидна и не нуждалась въ новыхъ доказательствахъ, невинность же другого была до такой же степени очевидна и несомнѣнна. Каракозовъ торжественно отрекся отъ всѣхъ своихъ показаній. Онъ объявилъ, что дѣйствовалъ отдѣльно, ни съ кѣмъ не совѣтуясь и никому не сообщая о своемъ намѣреніи. Что же касается до его показаній противъ Кобылина, то они даны вслѣдствіе жестокаго и пристрастнаго допроса, ложность ихъ доказывается ихъ сбивчивостью и несогласимыми противорѣчіями. Приговоръ верховнаго уголовнаго суда извѣстенъ: Каракозовъ, больной и почти умирающій, присужденъ къ висѣлицѣ; Кобылинъ, послѣ пятимѣсячнаго заключенія и томительнаго существованія между жизнью и смертью, освобожденъ отъ суда и слѣдствія.

Описанія казни Каракозова*) сдѣланныя руками

*) Наканунѣ этой казни хоронили его палача, „*внезапно скончавшагося въ Сердцахъ*“, по удачному выраженію одной газетки, которая невзначай сказала этотъ каламбуръ.

полицейскихъ публицистовъ, грѣшатъ противъ истины искаженіемъ фактовъ, ложными толкованіями и скромными умолчаніями. Надо отдать справедливость этимъ строчителямъ казенныхъ объявленій и лирическихъ восторговъ, вдохновляемыхъ милостивымъ поощреніемъ начальства: они обладаютъ замѣчательною фантазіею и способностью видѣть и слышать то, чего не слышатъ и не видятъ остальные смертные. Я нахожу необходимымъ возстановить истину и объяснить смыслъ нѣкоторыхъ, ложно понятыхъ фактовъ.

Утро было дѣйствительно сѣрое, угрюмое, и при появленіи Каракозова толпа хранила глубочайшее молчаніе. Онъ былъ блѣденъ и едва держался на своемъ высокомъ и неудобномъ сидѣньи. Но это происходило не отъ боязни смерти. Кто видѣлъ Каракозова не за долго до роковаго дня, тотъ можетъ подтвердить, что эта блѣдность и слабость происходили вслѣдствіе болѣзни и положительнаго истощенія физическихъ силъ. Каракозовъ не боялся и *не могъ* бояться смерти: онъ давно покончилъ всѣ свои расчеты съ жизнію и подписалъ свой смертный приговоръ не только прежде кн. Гагарина и ранѣе 3-го Сентября, но гораздо ранѣе 4-го Апрѣля, въ то еще время, когда былъ мирнымъ гражданиномъ, вкушавшимъ сладостнѣйшіе плоды „дарованныхъ вольностей“. Не удави его благо-

душный монархъ, онъ бы умеръ естественною смертью много-много черезъ мѣсяцъ или полтора (еще въ клиникѣ, въ Февралѣ мѣсяцѣ, онъ страдалъ *прекращеніемъ питанія,* помимо другихъ болѣзней). Умолчали полицейскіе публицисты и о томъ, что эта мертво-молчавшая толпа ждала отъ мала до велика царскаго помилованія. Эту казнь, ненужную и безполезную, охуждали люди благонамѣренные, даже многіе полицейскіе чины, не потому чтобы они сочувствовали Каракозову, но потому что простой ариѳметическій разсчетъ воспрещалъ убивать этаго полумертваго человѣка. Прости его царь — дѣло вѣдь сводилось на личные счеты, съумѣй явить онъ рыцарское, въ сущности же фальшивое великодушіе, и онъ бы увлекъ, онъ поразилъ бы эту массу, онъ подавилъ бы ее своею добротою, мягкосердечіемъ, незлобіемъ. Масса всегда увлекается мишурою, наружнымъ блескомъ, фальшивою доблестью и очень мало среди нея людей, способныхъ понять и по достоинству оцѣнить совершающіеся факты. Эта нѣмая толпа заревѣла бы смерть Каракозову, который осмѣлился поднять руку на такого добродѣтельнѣйшаго монарха, но этотъ монархъ опять поддался рабскому, ложному страху и жаждѣ мелочной, личной мести — чувствамъ, на которыя, кажется, только и способна его благодушная натура.

Каракозовъ молился, и эта молитва соблазнила проницательные умы многихъ — хвостъ поджавшихъ либералишекъ, которые никакъ не могли сообразить, какой глубокій и вѣрный расчетъ управлялъ этимъ сознательнымъ поступкомъ умирающаго. Какъ хорошо понималъ онъ народъ, любовь къ которому привела его на эти подмостки, уложила въ простой досчатый гробъ и свезла, покрытаго рогожей, на Голодай!.....

Умри Каракозовъ, не перекрестивъ лба, оттолкнувши попа съ чашей и крестомъ, какъ того хотѣли люди, выдающіе себя за квинтъ-эссенцію либерализма, какой бы воплъ негодованія поднялся въ этой безмолвной толпѣ, не знавшей, проклинать или сожалѣть непонятнаго ей человѣка, который осмѣлился поднять руку на *самаго царя!* Какое бы торжество было у этихъ Муравьевскихъ выкидышей — Катковыхъ и Ко. и всего синклита московскихъ профессоровъ и ихъ достойныхъ послѣдователей. Всѣ сорокъ сороковъ московскихъ опять бы затрезвонили: „не мы ли говорили, что онъ атеистъ, безбожникъ, нигилистъ. А вотъ отъ чего эти стриженыя дѣвки, да разные грѣховодные соціализмы пошли? — Послабленіе большое, полиція мало смотритъ, книжки беззаконныя, нечестивыя и богомерзкія распространяются. А что проповѣдуется въ журналахъ, въ школахъ? Вотъ гдѣ ядъ,

вотъ гдѣ язва“... ну и пр. Пѣсня старая и знакомая, составляющая альфу и омегу ученія *Московскихъ Вѣдомостей.* Теперь клеветники должны были молчать, и когда тѣло Каракозова повисло въ воздухѣ, вся эта площадь, вся эта громадная масса народа, вся до единаго человѣка ахнула и перекрестилась и много глубокаго значенія было въ этомъ ровномъ, мѣрномъ, общемъ вздохѣ. Тутъ же, возлѣ его неостывшаго, неснятаго трупа послышались толки: „а вѣдь онъ православный, а не что бы какой... Русскій, братцы вы мои, русскій, совсѣмъ простой человѣкъ! И таково это онъ, голубчикъ мой, жалостно поклонился, что у меня пидо что въ сердцѣ повернулось“. И немедленно въ народномъ умѣ явилось сопоставленіе между жертвой и палачомъ. „Муравьевъ-то, заговорилъ народъ, какъ собака издохъ, не исповѣдывавшись и не причастясь. Да оно собакѣ и собачья смерть!... А этотъ и преступникъ, да умеръ такъ, что хоть всякому православному такъ умереть. Въ полномъ разумѣ, въ полномъ покаяніи и святыхъ таинъ принять сподобилъ Господь. За великій грѣхъ свой казнь на землѣ получилъ, великія муки претерпѣлъ, значитъ взысканъ будетъ на небесахъ“. Всѣ слышали, что Каракозовъ нигилистъ и съ минуты его смерти пошла въ народѣ слѣдующая легенда, которая — ручаюсь — сложилась на Смоленскомъ Полѣ,

въ тѣ минуты, когда Каракозовъ, блѣдный, безъ шапки, въ простомъ сѣромъ армякѣ, крестясь, шелъ на смертную, лобную казнь. Вотъ вкратцѣ ее содержаніе.

„Есть, братецъ ты мой*), разсказывалъ мнѣ рабочій, сехта такая и называется она надѣлистами, значитъ, всѣхъ надѣлить землей хочетъ. И такіе это порядки промежъ ними, то ись надѣлистами, ведутся, что одно слово, любо-дорого послушать. Всѣ они значитъ это одѣты просто, по нашенски, по мужицки: мужчины въ красныхъ рубахахъ, въ шароварахъ, въ армякахъ, въ зипунишкахъ; женщины почитай всѣ мѣщанками, али такъ бабами деревенскими. И не подумай, братецъ ты мой, чтобъ все это мужики одни были. Они точно, есть и мужики, даже старшой-то ихъ, что то ись всѣми заправляетъ, и тотъ мужикъ; одначе выходитъ промежъ нихъ почитай все больше благородные: дворяне тамъ это разные, графы, князья... И таково, братецъ ты мой, чудно это, что всѣ эти барыньки, графини тамъ лахмытками одѣты, ну вотъ словно самая что ни есть послѣдняя дѣвка горничная. Собираются они въ Глухомъ переулкѣ въ глухую ночь, потому — полиціи значитъ оченно перехва-

*) Этотъ разсказъ я заимствовалъ изъ записной книжки своего пріятеля. Читатели могутъ понять, что я все это время былъ лишенъ возможности бесѣдовать съ рабочими.

тать ихъ желательно и всѣмъ дворникамъ вышелъ такой указъ: за каждаго, дескать, надѣлиста полтинникъ награжденія и шкаликъ водки; какъ выходитъ поймаешь его, такъ и волоки въ кварталъ. А собираются они, братецъ ты мой, чтобъ главнаго своего послушать, то исъ нашего-жь брата-мужика, а онъ значитъ, съ бородой, въ сѣромъ зипунѣ, въ лапоткахъ сидитъ и такія имъ рѣчи говоритъ. Мы, говоритъ, всѣ подъ Богомъ равны, что царь, что мужикъ — одинъ чортъ! А ведутся, говоритъ, у насъ, братцы вы мои, порядки не праведные: этотъ бѣденъ, тотъ богатъ; этотъ пальцемъ объ палецъ не толкнетъ, все пиры задаетъ, словно сыръ въ маслѣ катается, ѣстъ на серебрѣ, ходитъ въ золотѣ, тотъ бьется какъ рыба объ ледъ, все Богъ счастья не даетъ: зипунишка драный, полушубокъ рваный, кафтанишко латаный, самъ голъ, какъ соколъ, голоденъ, холоденъ, дѣтишки не ѣмши, коровенка не кормлена, хатенка не топлена. А все почему? — порядки! Былъ Иванъ батракомъ, корилъ хозяина: такой-сякой, нѣтъ на тебя пропасти! Сталъ Иванъ хозяиномъ — съ батраковъ семь шкуръ деретъ, самъ брагу пьетъ, ходитъ промежъ нихъ, похаживаетъ, самъ бороду поглаживаетъ: батраки, что волы, всѣ дѣла-дѣлаютъ, никакой корысти не видятъ, а хозяинъ знай, покрикивай, барыши сосчитывай, батраковъ усчитывай: чѣмъ мошна туже,

тѣмъ батраку хуже. Глядишь, Иванъ строитъ новые хоромы, старые вишь хромы... стелетъ полъ, а батракъ все голъ; вывелъ стѣны, сбавилъ цѣны; кладетъ печь — не жалѣйте плечъ; а какъ вывелъ трубы — наровитъ всѣмъ въ зубы. У Ивана пиръ горой стоитъ день деньской, гостей полонъ домъ, всего наварено, всего нажарено, браги хмѣльныя, вина цѣльныя, квасы крѣпкіе. А у батрака дурака развалилась изба, голоситъ дѣтьба — дай хлѣбушка. Эй батрочокъ, пойдемъ въ кабачокъ, выпьемъ шкаличекъ. Такъ то, братцы! Рази-жь это порядокъ? Богомъ то не такъ велѣно, да царемъ такъ приказано. Вотъ што!... И значитъ, братцы вы мои, надо эти порядки неправедные перемѣнить; такъ сдѣлать, чтобъ всѣмъ жилось хорошо, сытно, не голодно, не холодно, чтобъ не было нищихъ, да бѣдныхъ, голи не покрытой, избъ безъ крышъ и палатъ золотыхъ, хозяевъ да батраковъ, а чтобъ всѣ были хозяева: всѣмъ земля дана, для всѣхъ лѣса ростутъ, хлѣбушка родитъ, для всѣхъ дождь идетъ, вода течетъ, солнце свѣтитъ. Вся бѣда, гororитъ, завелась отъ начальства неправеднаго, царей нечестивыхъ (потому на нихъ, надѣлистовъ, полиція и зарится, зубы точитъ). А пока что, говоритъ — всѣ работайте, лежать на боку великъ грѣхъ, когда у мужиковъ спина не разгибается, руки усталь забываютъ. И наряды, говоритъ, хо-

рошіе нельзя носить, нельзя заморскія вина пить, нѣмецкія кушанья ѣсть. Ходите, въ чемъ народъ ходитъ, пейте, что̀ народъ пьетъ, ѣшьте, что̀ народъ ѣстъ. Да мало-ль что онъ имъ говоритъ, только всего, братецъ ты мой, не перескажешь и не упомнишь. А надо полагать, мужикъ умный и всяческое ученіе произошелъ, въ наситетѣ былъ, потому теперь это бываетъ, вонъ хоша бы у насъ Афанасій своего парнишку отдалъ, гдѣ барчуки учатся, и доведу, говоритъ, до всѣхъ, значитъ, наукъ доведу".

— Какъ-же, спросилъ я, не переловятъ надѣлистовъ? Вѣдь въ Глухомъ переулкѣ всѣ дома наперечетъ извѣстны полиціи, ну и дворникамъ же награжденіе обѣщано? — „Да рази-жь они Іуды какіе, что изъ за полтинника продавать пойдутъ!.. ну, а полицію, братецъ ты мой, надѣлисты значитъ праведутъ и выведутъ, оченно они хитрый народъ".

Противъ этого доказательства я не возражалъ, тѣмъ болѣе, что и г. Катковъ держится того же мнѣнія, а я крѣпко стою за авторитеты.

ГЛАВА VI.

Поведеніе подсудимыхъ. — Ишутинъ отрицаетъ всѣ свои показанія на Худякова. — Петерсонъ остается вѣренъ добровольно-принятой имъ роли доносчика. — Николаевъ и его защита. — Защита Моткова. — Образъ дѣйствій адвокатовъ. — Объявленіе приговора.

Покончивъ съ Каракозовымъ, верховный уголовной судъ принялся за рѣшеніе участи остальныхъ тридцати четырехъ человѣкъ.

Я уже упомянулъ, что большинство отказалось отъ своихъ показаній (или отъ части ихъ), мотивируя этотъ отказъ жестокимъ и пристрастнымъ допросомъ. Даже многіе изъ ордена „добровольноказавшихся“ отступились отъ большей части своихъ повѣствованій, но не отъ всего и не всѣ. Люди болѣе правдивые поступили иначе. Ишутину объявили, что Худяковъ отрицаетъ его показанія и дали очную ставку*), на которой онъ убѣдился изъ отвѣтовъ Худякова, что подозрѣвалъ его несправедливо и чистосердечно объявилъ: „Всѣ мои показанія на Худякова съ перваго и до послѣдняго слова ложны; давалъ же я ихъ въ томъ убѣжденіи, что Худяковъ выдаетъ, такъ какъ между нами было условлено: на доносчика взводить самыя тяжкія обвиненія“. Вотъ какъ разсѣкаются гордіевы узлы, сплетенные обманомъ и насиліемъ.

*) Кн. Гагаринъ не держался Муравьевской методы.

Антиподомъ Ишутина является Петерсонъ. Отъ избытка усердія, онъ продолжалъ утверждать, что Никифоровъ намѣревался убить государя и сообщалъ (!) ему, Петерсону, объ этомъ намѣреніи. На очной ставкѣ Никофоровъ, доказавши Петерсону, что онъ клеветникъ, спросилъ его съ изумленіемъ, что̀ заставило его выдумать небылицу, за которую Никифорова морятъ нѣсколько мѣсяцевъ въ крѣпости и даже приговаривали къ висѣлицѣ? Наконецъ, что̀ за цѣль теперь-то такъ упорно отстаивать клевету? На это Петерсонъ торжественно объявилъ, что донося на Никифорова, онъ дѣйствовалъ *по своимъ принципамъ,* слѣдовать которымъ будетъ неуклонно всю жизнь. Остерегайтесь же, господа, Петерсона и *его принциповъ!*

Съ достоинствомъ, не унижаясь и не бравируя, безъ желанія поразить судей своимъ геронзмомъ или тронуть ихъ сострадательность, дѣйствовали Юрасовъ, Странденъ, Загибаловъ и нѣкоторые другіе. Я нахожу ихъ поведеніе самымъ достойнымъ и приличнымъ дѣлу, и не могу того-же сказать о Николаевѣ, всѣ поступки котораго клонились только къ тому, чтобы ухудшить собственную участь. Такъ могъ дѣйствовать развѣ врагъ его, облекшійся на время допросовъ въ его кожу. Поэтому, я не считаю себя вправѣ обойти молчаніемъ способъ его защиты, если только возможно

такъ выразиться, и не высказать того взгляда, который раздѣляютъ многіе изъ числа его товарищей по суду и обвиненію (знать общаго ихъ мнѣнія, я, конечно, не могъ). Это мнѣніе, вѣроятно раздѣляютъ съ ними всѣ здравомыслящіе люди.

Николаевъ отрицалъ свое участіе въ обществѣ „*адъ*“ и знаніе о намѣреніи Каракозова убить императора. Онъ утверждалъ, что не могъ раздѣлять ни воззрѣній этого общества, ни цареубійственныхъ стремленій Каракозова, такъ какъ, по его крайнему разумѣнію, и то и другое не только не подвигало ни на шагъ святое для него дѣло свободы, но тормозило, задерживало его развитіе и на время окончательно могло остановить его ходъ. Впрочемъ, Николаевъ пичуть не отрицаетъ принципа цареубійства; напротивъ, онъ признаетъ, что бываютъ періоды въ жизни народовъ, когда подобная мѣра необходима, и потому неизбѣжна и спасительна, и горе тѣмъ слабонервнымъ людямъ, которые остановятся въ раздумьи передъ ней. Онъ указывалъ на англійскую и французскую революцію, на примѣры Карла I и Людовика XVI; въ подтвержденіе своей мысли онъ приводилъ доказательства, не отличавшіяся новизной и не составляющія тайны, но которыя должны были все болѣе и болѣе убѣждать судей въ его злонамѣренности. Вообще онъ признаетъ крайнія мѣры, если только онѣ могутъ при-

нести пользу народу и упрочить тѣ начала, въ которыхъ онъ видитъ единственный исходъ и спасеніе. Для достиженія этой цѣли онъ прибѣгнетъ ко всякимъ средствамъ, какія только окажутся нужными. Вотъ его убѣжденія, и ихъ онъ смѣло исповѣдуетъ не только передъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, но и передъ цѣлымъ міромъ. Когда кн. Гагаринъ намекнулъ ему, впрочемъ въ выраженіяхъ очень опредѣленныхъ, чтобы онъ отказался отъ своихъ словъ, такъ какъ признаніе ихъ неизбѣжно ухудшитъ его участь, Николаевъ топнулъ ногой и произнесъ: „за свои убѣжденія я готовъ тысячу смертей принять!“ Князь покачалъ головой и сказалъ, словно давая ему время опомниться и исправить роковую для него ошибку: „очень жаль!... очень жаль!...“ Съ судьями Николаевъ принялъ самый рѣзкій тонъ: онъ оспаривалъ ихъ мнѣнія, чуть не упрекалъ въ невѣжествѣ и незнаніи законовъ, давалъ имъ поученія, на замѣчанія отвѣчалъ просьбой не учить его, такъ какъ онъ знаетъ очень хорошо то, о чемъ говоритъ, и въ знаніи законовъ поспоритъ съ любымъ изъ своихъ судей. „Я самъ, прибавлялъ онъ, въ видѣ упрека, долженъ былъ бы черезъ мѣсяцъ защищать диссертацію на магистра юридическихъ наукъ, а вы посылаете меня въ Сибирь!“ Безъ живой, сердечной симпатіи нельзя было глядѣть на коренастую и бородатую

фигуру и честное лицо этого смѣлаго человѣка, который съ рѣзкимъ, рѣшительнымъ и никакихъ возраженій не допускающимъ видомъ, проповѣдывалъ великія революціонныя идеи двумъ принцамъ, двумъ министрамъ и дремлющей развалинѣ дряхлаго инквизотора, безучастно и безсмысленно жующаго свою старческую жвачку. Вся жизнь этихъ людей была направлена на борьбу съ этими идеями, на безпощадное истребленіе огнемъ и мечомъ ихъ послѣдователей и проповѣдниковъ и, быть можетъ, въ первый разъ стоялъ передъ ними человѣкъ, который такъ смѣло и открыто исповѣдывалъ свои убѣжденія.

Поступать такъ, какъ поступалъ Николаевъ, значитъ собственными руками выдавать себя врагамъ и завязывать петлю на своей шеѣ. Въ третьемъ отдѣленіи, въ обществѣ доносчиковъ, сыщиковъ, слѣдователей и инквизиторовъ безсмысленно это рыцарское безстрашіе и безчестна эта безцѣльная самоотверженность. Безсмысленно, потому что влечетъ за собою непоправимое зло, не принося микроскопической крупицы пользы; безчестно, потому что даромъ губить одну изъ единицъ той силы, которая такъ слаба на Руси и которой необходимо сохраненіе каждаго своего атома, каждой своей частицы. Вы, которые считаете свое дѣло „святымъ и великимъ“, вы, которые, ради его, готовы употребить „всякія средства“, какъ-же осмѣли-

ваетесь вы такъ легкомысленно, такъ ребячески жертвовать собою, забывая здравый смыслъ и *собственною* логику? Развѣ вы не знаете, что чѣмъ болѣе гибнетъ васъ, чѣмъ меньше остается, тѣмъ слабѣетъ ваше дѣло, тѣмъ отдаляется его успѣхъ и упрочивается торжество враждебныхъ вамъ силъ? Не доблестно, но преступно и неразумно, изъ за удовольствія кинуть презрѣніемъ въ глаза своихъ враговъ — заковать свои руки и ноги, изъ рабочей силы превратиться въ каторжника и обречь на бездѣйствіе всѣ свои способности. Гораздо доблестнѣе уйти отъ враговъ, вырваться здравымъ и невредимымъ изъ ихъ лапъ, употребить *всѣ мѣры,* такъ какъ съ разбойниками церемониться нечего, чтобы быть на свободѣ и идти неуклонно и неизмѣнно къ своей цѣли.

Мои слова не проповѣдь на тэму „цѣль оправдываетъ средства“; ихъ можно резюмировать такъ: „всякія средства дозволительны съ тѣмъ, кто не гнушается никакими средствами и преслѣдуетъ самыя гнусныя цѣли, пагубныя для цѣлаго народа и для каждаго въ частности“. (Мои слова не признаніе *мѣръ,* къ которымъ прибѣгли Мотковъ и Ивановъ. Эти мѣры называются предательствомъ и вредятъ дѣлу болѣе безстрашныхъ признаній Николаева. Это замѣчаніе дѣлается для недобросовѣстныхъ читателей).

Вотъ доказательство монхъ словъ: Николаевъ, который могъ отдѣлаться очень легко и попасть подъ амнистію, приговоренъ за открытое исповѣдываніе убѣжденій, очевидно не терпимыхъ въ такомъ благоустроенномъ государствѣ, какъ Россія, къ 12ти лѣтней каторгѣ. Александръ II ни на секунду не уменьшилъ этого срока, тогда какъ Загибалову, Шаганову и Моткову, стоящимъ въ одной категоріи съ Николаевымъ, срокъ сбавленъ на половину. Вѣроятно и въ Сибири участь его будетъ тяжелѣе многихъ, надзоръ строже и неусыпнѣй и всѣ дальнѣйшія амнистіи сурово обойдутъ его.

Мотковъ представляетъ діаметральную противуположность Николаева. Онъ исключительно желалъ повліять на чувствительность судей, онъ указывалъ имъ на свое бѣдное и многочисленное семейство, на свои трудныя обстоятельства и чтобы окончательно умягчить ихъ сердца, впадалъ въ лирическія изображенія своихъ сапогъ и панталонъ, такъ что слушателю становилось дѣйствительно и грустно, и нехорошо, какъ бываетъ при встрѣчѣ съ бѣднякомъ, который на показъ выставляетъ свои раны и язвы... Очень многіе изъ адвокатовъ прибѣгли къ подобной-же защитѣ. Ихъ защитительныя рѣчи были составлены по одному рецепту съ *просительными листами:* „по неисчерпанной благости и безпредѣльному милосердію, снисходя къ крайней

нищетѣ и пламенной жаждѣ окончить курсъ наукъ по программѣ высочайше утвержденнаго устава, дабы приносить пользу престолу, отечеству“ и т. д. Кліентовъ своихъ они изображали такими жалкими дурачками, что вчужѣ становилось конфузно... Очень многіе дѣйствовали крайне недобросовѣстно, выгораживая только своихъ кліентовъ, изображая ихъ сосудами всяческихъ добродѣтелей, до краевъ наполненными благонамѣренностью, смиреномудріемъ, благочестіемъ, кротостью и преданностью къ предержащимъ властямъ. Всѣхъ-же остальныхъ они выставляли разбойниками, поджигателями, злодѣями, нетерпимыми ни въ какомъ обществѣ, мѣсто которыхъ въ тюрьмѣ, на каторгѣ и на висѣлицѣ, и даже настаивали на увеличеніе имъ наказанія. Напримѣръ, защитительная рѣчь адвоката Каракозова была обвинительнымъ актомъ самаго безпощаднаго свойства, болѣе суровымъ, чѣмъ самый приговоръ верховнаго уголовнаго суда. Вотъ какъ далеко за геркулесовы столбы совѣстливости и приличія заходила холопская угодливость и подлая трусливость. Но и между адвокатами встрѣчается нѣсколько очень честныхъ и свѣтлыхъ личностей, съ яснымъ умомъ и большимъ запасомъ здраваго смысла. Способъ ихъ защиты былъ самый раціональный и единственно возможный въ данномъ случаѣ. Они выбирали позицію очень смѣлую, но и очень

крѣпкую; они выходили изъ положенія: „*заговора не было*“, по частямъ разбирали зданіе лжи самой наглой, обмана самаго безсовѣстнаго и оно, словно карточный домикъ, разлеталось съ первымъ прикосновеніемъ ихъ строгой, здравой и добросовѣстной критики. Невиновность своихъ кліентовъ они выводили изъ *общей* невиновности; ихъ дѣло они разсматривали, какъ частный фактъ, подтверждающій общую мысль, общее положеніе, и доказательства ихъ невиновности, вытекающія изъ ихъ дѣла, они приводили, какъ второстепенныя.

Черезъ 21 день послѣ казни Каракозова былъ объявленъ приговоръ остальнымъ 34 лицамъ, подлежавшимъ рѣшенію верховнаго уголовнаго суда. Послѣ муравьевской конфирмаціи онъ уже никого не могъ ужаснуть, хотя ужаснуться было чего. Смертная казнь назначалась одному Ишутину. Онъ сначала оторопѣлъ немного, задумался. „Эхъ, Николай Андреевичъ, голубчикъ, не робѣй, потерпи ужь до конца“, заговорили ему. „Оно вѣдь и точно, гореваньемъ бѣдѣ не поможешь“ и попрежнему сталъ бодръ Николай Андреевичъ. Когда въ комнату, гдѣ собрались „*рѣшеные*“, вошелъ Мотковъ, Юрасовъ всталъ и низко — низко поклонился ему: много дескать, двовольны вами, г. Мотковъ, очень вы постарались за насъ.

Да, такіе безмолвные поклоны краснорѣчивѣе

цѣлаго тома рѣчей блистательнѣйшаго оратора и врядъ-ли ихъ возможно забыть въ теченіи цѣлой жизни, какъ бы долга и богата событіями ни была она.

ГЛАВА VII.

Приговоръ верховнаго уголовнаго суда.
(Марево разсѣялось.)

Послѣ передовыхъ статей *Московскихъ Вѣдомостей,* послѣ поголовныхъ хватаній и обысковъ, совершавшихся во всѣхъ концахъ Россіи, во всѣхъ ея „укромныхъ“ уголкахъ; послѣ офиціальной статьи *Сѣверной Почты,* писанной въ канцеляріи слѣдственной комиссіи подъ диктовку Муравьева и въ общихъ чертахъ ознакомлявшей съ открытіями комиссіи, въ представленіи общества создался чудовищный заговоръ — Заговоръ Монстръ, раскинувшій сѣти по всему обширному лицу Россійской имперіи, имѣвшій сношенія и тѣсную связь со всѣми европейскими революціонными комитетами, поставившій цѣлью ниспроверженіе законныхъ правительствъ во всей вселенной и избіеніе всѣхъ государей до мадагаскарскаго и дагомейскаго королей включительно. Въ этотъ заговоръ были замѣшаны не только нигилисты, мировые посредники, мужики и стриженные дѣвки, но лица слишкомъ и слишкомъ высоко поставленныя. Смѣщенъ Долгорукій, удаленъ Суворовъ, слетѣлъ Головнинъ, а это

что нибудь да значитъ, мрачно замѣчали политики отъ устъ *Московскихъ Вѣдомостей*; а сами *Московскія Вѣдомости* — съ не менѣе мрачнымъ и многозначительнымъ видомъ, подмаргивали и подмигивали на Константина Николаевича и стриженныхъ дѣвокъ, на принца Наполеона и *Вятскія Губернскія Вѣдомости* и между всѣми этими предметами находили тѣснѣйшую связь, правда таинственную, но тѣмъ болѣе гибельную и ужасную, словомъ открывали такую адскую махинацію, такую злодѣйскую интригу, что даже у храбрыхъ волосы становились дыбомъ. Сама полиція, слѣдуя-ли приказанію свыше, или увлекаясь общимъ примѣромъ, дѣлалась алармистомъ и распускала слухъ, что арестовано 8,000 человѣкъ *). (Почему 8 тысячь, а не 80 и не 800, почему, наконецъ, не 8 милліоновъ, это составляетъ непроницаемую тайну. Насколько вѣроятна послѣдняя цифра, на столько-же была вѣроятна и первая, но по моему, 8 мил. гораздо ужаснѣй и на нервы дѣйствуетъ сильнѣй. Нѣтъ, видно московской полиціи далеко до *Московскихъ Вѣдомостей!*) И вдругъ „Марево разсѣялось“

*) Я не имѣю положительныхъ данныхъ для опредѣленія точной цифры всѣхъ взятыхъ со времени 4 Апрѣля, но смѣю утверждать, безъ боязни сдѣлать важную ошибку, что эта цифра превыситъ нѣсколько сотенъ, а пожалуй, составитъ и цѣлую тысячу, если не съ хвостикомъ.

и вмѣсто сотенъ и тысячъ оказалось 36 человѣкъ, изъ которыхъ двое попали въ этотъ счетъ случайно, *по ошибкѣ!...* Г. Катковъ, подобно дамѣ, пріятной во всѣхъ отношеніяхъ, могъ воскликнуть: ахъ какой афронтъ! но лобъ его изъ однаго матеріяла съ царемъ пушкой, которую, какъ то̀ справедливо замѣчаетъ г. Ѳеодоръ Глинка, никто не повернетъ. Высокія персоны въ жирныхъ эполетахъ, таинственныя руки, управлявшія всей этой адской махинаціей, равно какъ и сама адская махинація со всѣми своими сѣтями, корнями и цѣлымъ лексикономъ „жалкихъ словъ", изданнымъ редакціей *Московскихъ Вѣдомостей для* всего пресмыкающагося царства третьяго отдѣленія, оказались сказочными миѳами, произведеніемъ индѣйской фантазіи муравьевствующаго публициста (вотъ они, плоды то классическаго образованія!) Остались только стриженные волосы, кринолины, синіе очки и другіе невинные предметы, надъ которыми могутъ изощряться на досугѣ московскіе бутари и перья неоперившихся беллетристовъ.

Да, *Марево разсѣялось;* ожиданія общества не удовлетворились, но тѣмъ не менѣе въ мозгу его еще гвоздемъ сидятъ „организація, адъ" и иные ужасы. Рамка ихъ тѣснѣе, видъ менѣе ужасенъ, но и теперь девять десятыхъ общества убѣждено, что заговоръ былъ. Это несомнѣнно: мы и при-

говоръ читали, мы и преступниковъ видѣли. Подобное убѣжденіе можетъ держаться только вслѣдствіе неумѣнья читать, т. е. понимать читанное, въ силу непривычки мыслить и привычки принимать на вѣру всякое печатное слово. Отъ того такъ легко и надувать это общество всѣмъ литературнымъ пройдамъ, алчущимъ и жаждущимъ казенныхъ объявленій и чернилицъ.

Это грубое заблужденіе я считаю нужнымъ разсѣять и потому прошу всѣхъ, вѣрующихъ въ заговоръ, снова прочитать со мною вмѣстѣ приговоръ верховнаго уголовнаго суда. Дѣло стоитъ и труда, и вниманія. Если заговоръ былъ, то мы провѣримъ его силы и его стремленія; если его не было, то мы обнаружимъ безсовѣстнѣйшій обманъ и, пожалуй, научимся менѣе довѣрять правительству и его актамъ и измышленіямъ, и станемъ вдумываться въ читанное, всматриваться въ смыслъ, доискиваться сути. Приводить цѣликомъ весь приговоръ, я нахожу совершенно излишнимъ; я приведу текстъ самыхъ существенныхъ его мѣстъ съ необходимыми пропусками и сокращеніями, которые я сдѣлаю не для искаженія смысла, но для экономіи времени и мѣста. Лучше всего, если читатель возьметъ въ руки приговоръ, чтобы свѣряться съ текстомъ и провѣрять каждое мое слово и каждое мое заключеніе. Я долженъ замѣтить, что приго-

воръ не даетъ возможности провѣрить нѣкоторыя частности; но уже самое молчаніе его и постоянное витаніе въ области общихъ мѣстъ и общихъ фразъ, должно ясно указать читателю, на чьей сторонѣ истина и на какой шаткой, зыбучей почвѣ построено это карточное зданіе, имѣвшее однако довольно тяжести, чтобы раздавить нѣсколько десятковъ людей.

„*Еще* въ 1863 году (неправда-ли, какъ давно? а въ какомъ мѣсяцѣ? не въ Декабрѣ-ли? даже можетъ быть, 31 Декабря? тогда *еще* неумѣстнѣй это многозначительное, классическое *еще*) составился въ Москвѣ *кружокъ* (замѣтьте, кружокъ) изъ молодыхъ людей, зараженныхъ соціалистическими идеями. Чтобы осуществить ихъ на практикѣ, эти люди начали устраивать школы (одну), ассоціаціи (двѣ), основывать общества (два), старались пріобрѣсти фабрику и устроить заводъ. Затѣмъ *нѣкоторые* члены обществъ взаимнаго вспомоществованія, а также переводчиковъ и переводчицъ *задумали* организовать свою дѣятельность на опредѣленныхъ *началахъ* (ergo у нихъ не было даже никакихъ опредѣленныхъ началъ и дѣйствовали они, значитъ, по русскому выраженію, зря, подъ вліяніемъ личной фантазіи и прихоти); для этого они стали собираться на сходкахъ, обсуждать *различные вопросы* и *предположенія*, состав-

лять и разсматривать проэкты уставовъ, и хотя такихъ проэктовъ было нѣсколько, *но ни одинъ еще не былъ окончательно принятъ,* однако-же *нѣкоторыми* изъ участвовавшихъ въ сходкахъ были *заявляемы* цѣли (?!) и *предлагаемы* средства самыя безнравственныя, самыя преступныя: въ числѣ цѣлей заявлялись не только экономическій переворотъ, посредствомъ устной и письменной пропаганды (мудрено что-то), но и соціальная революція (безподобно это *но*), дѣлежъ собственности и переворотъ государственный насильственными мѣрами; въ числѣ средствъ (для экономическаго, соціальнаго и государственнаго переворота) предлагались: обвороваше купца черезъ подставнаго служителя, ограбленіе почты, заведеніе тайной типографіи, освобожденіе изъ каторжныхъ работъ государственнаго преступ. Чернышевскаго, романъ котораго „Что дѣлать?“ имѣлъ на многихъ изъ подсудимыхъ самое гибельное вліяніе и пр. Большая часть этихъ предложеній НЕ БЫЛА ПРИНЯТА, но по нѣкоторымъ и БЕЗЪ ОБЩАГО согласія были дѣлаемы ПРИГОТОВЛЕНІЯ; такъ Ермоловъ купилъ типографскій шрифтъ, Странденъ ГОТОВИЛСЯ ѣхать въ Сибирь за Чернышевскимъ. *Но* самыя тяжкія преступленія *были задуманы* не на общихъ сходкахъ, *а въ совѣщаніяхъ между нѣсколькими лицами,* напр. умыселъ и приготовле-

нія В. Ѳедосѣева отравить своего отца, для передачи наслѣдства тайному обществу, и наконецъ въ НЕБОЛЬШОМЪ кружкѣ были возбуждаемы разсужденія о томъ, слѣдуетъ-ли, по примѣру европейскаго революціоннаго комитета, въ числѣ средствъ для произведенія ВСЕОБЩЕЙ (?!!!) революціи, ДОПУСКАТЬ цареубійства и истребленіе правительствъ ВООБЩЕ (!!!) Разсужденія объ этомъ предметѣ были возбуждены Ишутинымъ, который *сообщилъ* своимъ товарищамъ: Каракозову, Ермолову, Страндену, Юрасову, Загибалову, Шаганову и Моткову *свѣденія,* полученныя имъ отъ Худякова объ упомянутомъ европейскомъ комитетѣ. *Разсужденія по вопросу о цареубійствѣ* одними БЫЛИ ОТВЕРГНУТЫ СОВЕРШЕННО, а другими отложены (?!) на неопредѣленное время, кромѣ Каракозова (да вѣдь Каракозовъ не разсуждалъ, а дѣйствовалъ: кажется, есть маленькая разница?), который БЕЗЪ ВѢДОМА ТОВАРИЩЕЙ и совершилъ 4 Апрѣля преступленіе".

Мы должны остановиться и хорошенько разсмотрѣть этотъ параграфъ, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ всю сумму обвиненій и всю массу открытій, сдѣланныхъ обѣими слѣдственными комиссіями и верховнымъ уголовнымъ судомъ. Онъ резюмируетъ дѣятельность „тайнаго общества", раскрываетъ намъ его силы, его организацію, его стремленія; словомъ,

онъ исчерпываетъ всю *суть* дѣла и есть его альфа и омега.

Первымъ проявленіемъ противуобщественной дѣятельности и первымъ обвиненіемъ является устройство школъ. Приговоръ о школахъ *говоритъ* глухо, намекая, что ихъ было много, и упоминаетъ только объ одной. Это самый недобросовѣстный оборотъ, который обыкновенно употребляется безчестными публицистами и всевозможными плутами, но вовсе не идетъ правительству. Дѣло въ томъ, что школъ и было только что одна „Мусатовскаго“ (это фамилія ея патрона, участвовавшаго въ ней только именемъ), существовавшая около года на Живодеркѣ (въ Москвѣ) и закрытая по недостатку средствъ. Въ ней обучались дѣти *не старше 12-лѣтняго возраста* и раздѣлялись на два отдѣла: первый заключалъ въ себѣ нежелавшихъ или немогшихъ идти далѣе безплатной школы; второй — готовившихся въ гимназію. Въ первомъ учили грамотѣ, письму, грамматикѣ, ариѳметикѣ, выкладкамъ на счетахъ, Закону Божію и давали необходимыя элементарныя понятія изъ естественныхъ наукъ, исторіи и географіи; во-второмъ предметы читались сообразно гимназической программѣ (приготовляли не выше III клас.). Эта школа въ точномъ смыслѣ не была даже безплатной, которыя такъ безпощадно преслѣдуются правительствомъ.

Въ ней плата не была опредѣлена, но она существовала: платили, сколько могли; совершенные бѣдняки были избавлены отъ всякаго взноса, имъ всѣ учебныя пособія выдавались даромъ. Священникъ посѣщалъ школу съ очень похвальной аккуратностью и заботливо внушалъ ученикамъ, какъ „единъ Богъ во святой Троицѣ“ и какъ создалъ онъ все изъ ничего. Школа была открыта съ разрѣшенія правительства*), о чемъ даже упоминается и въ приговорѣ, и посѣщаема начальствомъ. Спрашивается — какимъ образомъ въ школѣ, гдѣ учились дѣти отъ семи до двѣнадцатилѣтняго возраста, но не старше, „преподаваніе различныхъ предметовъ могло клониться къ возбужденію противъ верховной власти“? Эти свѣденія комиссія и верховный уголовный судъ почерпнули изъ (вѣроятно чистосердечныхъ) разсказовъ кн. Черкезова; „но на *судебномъ слѣдствіи обнаружено,* что свѣденія объ этомъ преподаваніи онъ *имѣлъ только по слухамъ*“

*) Школъ открытыхъ безъ разрѣшенія правительства не было, иначе-бы обвинительный актъ непремѣнно указалъ ихъ. Повторяю, что „*этими людьми*“ не было открыто ни одной школы, кромѣ Мусатовскаго. Если-же допустить, что таковыя были, то очевидно „преподаваніе въ нихъ не клонилось къ возбужденію противъ верховной власти“, иначе-бы верховный судъ поименовалъ беззаконные разсадники революціи и не выразился-бы: „*въ одной* школѣ преподаваніе“ и т. д.

и нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы кто нибудь подтвердилъ эти слухи (изъ дѣла-же положительно видно, что они были отвергнуты единогласно). Ясно, что обвиненіе въ устройствѣ антиправительственныхъ школъ, мы можемъ признать клеветой и покончить съ ней.

„Различныхъ ассоціацій“ оказывается двѣ: швейная и переплетная*).

Швейная была открыта въ концѣ 1864 года, Е. Л. Ивановою, которая и считалась *хозяйкой*, что̀ нѣсколько противурѣчитъ понятію объ ассоціаціи. Составъ ея измѣнялся очень часто; *по найму* въ ней постоянно работали отъ одной до трехъ мастерицъ. Она еще не успѣла вылиться въ окончательную форму, но было сдѣлано все, чтобы правильно распредѣлить заработную плату и разумно устроить жизнь. Открывая швейную, никто не думалъ демонстрировать: не до политики было. Дѣло сводилось на добываніе хлѣба честною работою и на огражденіе себя отъ эксплуатаціи хозяекъ. Впрочемъ, объ такомъ предметѣ толковать въ двухъ словахъ невозможно, да и не годится... Прибавлю только, что въ послѣднее время существованія швейной, въ ней работало пять мастерицъ, которыя всѣ и были арестованы; три изъ нихъ и по настоящую минуту заключены въ Сущевской части.

*) Всего изъ десяти работниковъ!

Въ переплетной работало четверо мастеровыхъ (всѣ простолюдины). Хозяиномъ ея былъ Фалленъ, слѣдовательно, ассоціаціей она не можетъ быть названа. Но мы сдѣлаемъ уступку и допустимъ, что хозяинъ, счетныя книги и пр., одна легальная проформа; все таки на повѣрку выходитъ, что пугающая фраза „различныя ассоціаціи“ все тотъ-же плутовской оборотъ рѣчи, все таже недостойная мистификація и запугиваніе несмышленаго общества. Гигантскій призракъ соціально-экономической революціи умаляется до микроскопическихъ размѣровъ *двухъ крохотныхъ* (да и то еще сомнительныхъ) *ассоціацій съ десятью работниками!*

Учреждено два общества: *переплетчиковъ и переплетчицъ и взаимнаго вспомоществованія.* О первомъ верховный уголовный судъ совершенно умалчиваетъ; но изъ его названія ясно, что никакихъ политическихъ цѣлей оно не преслѣдовало, въ чемъ удостовѣряетъ самое молчаніе обвинительнаго акта. Цѣль общества *взаимнаго вспомоществ.*, такъ же опредѣленно выражается названіемъ. Надо замѣтить, что это общество въ дѣйствительности еще не существовало и было не болѣе, какъ эмбріономъ. Что никакихъ противуправительственныхъ цѣлей оно не имѣло въ виду, это доказывается тѣмъ, что: 1) открыть его „предполагалось съ разрѣшенія правительства“, 2) къ членамъ его

верховный уголовный судъ относится очень снисходительно и освобождаетъ ихъ — выводъ очевиденъ. По чтобы окончательно убѣдить читателей, я напомню имъ слѣдующій фактъ, почерпнутый изъ того-же приговора: „Преступныя цѣли были заявлены“ тогда только, когда „нѣкоторые члены обществъ взаимнаго вспомоществованія, а также переплетчиковъ и переплетчицъ задумали организовать свою дѣятельность на болѣе опредѣленныхъ началахъ“*). Отсюда слѣдуетъ: 1) эти общества не имѣли преступныхъ цѣлей и общихъ опредѣленныхъ началъ; 2) нѣкоторые изъ ихъ членовъ были „злонамѣренными“ людьми, что̀ за доказательство „злонамѣренности“ самихъ обществъ никакъ не можетъ быть принято, ибо каждое общество заключаетъ въ себѣ таковыхъ злокачественныхъ нечестивцевъ.

Остальныя дѣйствія сводятся на „старались, разсуждали, разсматривали, предполагали, желали, ожидали, надѣялись“, вѣроятно и ѣли и пили для поддержанія столь преступной жизни**). Никакой

*) Строчки и почти всѣ слова, отмѣченныя кавычками, взяты изъ текста приговора верховнаго уголовнаго суда. Прошу еще разъ читателя-*скептика* свѣрять и сличать настоящую главу съ оффиціальнымъ документомъ, который находится во всѣхъ русскихъ газетахъ.

**) Что касается до меня, то я „старался“ взорами умертвить Муравьева и уподобиться василиску; „предполагалъ“ повѣсить все третье отдѣленіе; „намѣревался“ писать пере-

общей цѣли они, какъ то̀ ясно изъ обвинительнаго акта, не имѣли, никакой общей идеей не были сплочены, въ ихъ поступкахъ рѣзко проявляется это отсутствіе общей идеи, единства, органической связи; между ними царитъ видимый расколъ или вѣрнѣе то, что называется: кто въ лѣсъ, кто по дрова*); ни къ какимъ рѣшеніямъ они не приходятъ, все только „разсуждаютъ, разсматриваютъ, да стараются“. „Задумали организовать свою дѣятельность на болѣе опредѣленныхъ началахъ“, да тѣмъ и покончили: никакихъ началъ не установили, ни къ какимъ результатамъ не пришли. Даже *проэкта устава* не выработали, ограничились тѣмъ, что „составляли, разсматривали и ни одного окончательно не приняли“. Дѣйствовать никто не рѣшался; нѣкоторые, увлекаясь вѣроятно минутнымъ порывомъ, „*безъ общаго согласія дѣлали приготовленія*“. Но и въ нихъ та-же трусливость, та-же нерѣшительность, то-же отсутствіе твердо выработ-

---

довыя статьи въ „Моск. Вѣдомостяхъ“ въ духѣ „Колокола“ и „желалъ“ быть предсѣдателемъ верховнаго уголовнаго суда. О своихъ-же разсужденіяхъ скромно умалчиваю... Къ счастію, князь Гагаринъ не могъ проникнуть въ мои замыслы, намѣренія, предположенія и пр., а иначе вѣроятно быть-бы мнѣ на 12 лѣтней каторжной работѣ „за преступныя цѣли и безнравственныя средства“.

*) Пусть строго намятуютъ читатели, что свои выводы я дѣлаю на основаніи офиціальнаго акта и только.

таннаго сознанія, рѣзко опредѣлившихся убѣжденій. Они немедленно поддаются вліянію противныхъ идей, враждебныхъ ихъ воззрѣніямъ, и не задумываясь долго, даютъ уничтожить свои начинанія: „такъ Ермоловъ“, читаемъ мы, „купилъ типографскій шрифтъ, но Ивановы уничтожили его“. Этотъ разладъ и это преобладаніе благонамѣренности неоспоримо доказывается тѣмъ фактомъ, что самыя красныя и революціонныя предложенія, или какъ выражается кн. Гагаринъ, „самыя безнравственныя и преступныя цѣли и средства“ были энергически отвергнуты и вызвали протестъ большинства. Въ силу этого, даже та внѣшняя, пріятельская связь, которая существовала между членами сходокъ, порвалась (сходки были закрыты, о чемъ умалчиваетъ приговоръ) и „самыя тяжкія преступленія были задуманы въ совѣщаніяхъ между нѣсколькими лицами“, т. е. въ самомъ тѣсномъ кружкѣ. (Не ясно-ли, что на сходкахъ объ этихъ предположеніяхъ и заикаться не осмѣливались: такъ вотъ оно въ дѣйствительности-то каково было это пагубное, поджигательное, противуобщественное направленіе!) Но и въ тѣсномъ кружкѣ, въ средѣ восьми или девяти человѣкъ, эти предложенія встрѣчаютъ не болѣе ласковый пріемъ: и тутъ большинство вотируетъ противъ и отрицаетъ ихъ! Ишутинымъ въ „*небольшомъ*“ кружкѣ (7 человѣкъ) „возбужденъ вопросъ

о цареубійствѣ“, но очевидно, что большинство, за исключеніемъ развѣ Каракозова, испугалось *даже разсужденій, толковъ* и поспѣшило замолчать. „Одними, какъ говоритъ приговоръ, эти разсужденія были совершенно отвергнуты, „другими отложены на неопредѣленное время“. (Смыслъ послѣднихъ словъ удивительно страненъ и звучитъ ложью). Остается особнякомъ Каракозовъ, который говоритъ мало, выражается *отрывочными фразами*“, словопреній не любитъ, думаетъ и вырабатываетъ свои убѣжденія собственнымъ умомъ и, разъ пришедши къ извѣстному убѣжденію, разъ принявши извѣстное рѣшеніе, *дѣйствуетъ*. Ясно, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ этими *разсуждающими* людьми; ясно, что они боятся его и зная его характеръ, зная, что онъ не „*собирается*“, „*не готовится*“, а *дѣйствуетъ*, пугаются его поѣздокъ въ Петербургъ и засылаютъ депутатовъ. Каракозовъ о своихъ намѣреніяхъ никому не сообщаетъ; этой привычки онъ не имѣетъ, совѣтуется онъ только съ собою: это цѣльный и страшно сильный человѣкъ. Какое отсутствіе пониманія и простой логики обнаружили тѣ, которые хотѣли повліять на него, остановить его рѣшеніе. Они видимо терялись, пугались и не знали, что дѣлать. Остановить Каракозова было только два средства: доносъ и ядъ. Тотъ, кто рѣшился-бы предупредить

его поступокъ, долженъ былъ выбрать одно изъ нихъ и всего лучше *ядъ*. Доказать доносъ было-бы невозможно, или очень трудно и рисковано... Его „*товарищи*“, какъ называетъ ихъ приговоръ, не рѣшились ... Они даже могли тѣшиться мечтой: авось ихъ соображенія окажутся вздоромъ: вѣдь Каракозовъ ничего не говорилъ о своемъ намѣреніи совершить цареубійство. И тутъ то внезапно и „*безъ ихъ вѣдома*“ прозвучалъ выстрѣлъ 4 Апрѣля. Преступленіе В. Ѳедосѣева принадлежитъ къ разряду *замысловъ* и есть много основаній думать, что въ область дѣйствительности оно бы не перешло. Между Ѳедосѣевымъ и Каракозовымъ разница громадная: первый очевидно колеблется, борется, не рѣшается, открывается брату и дозволяетъ разбить банки съ ядомъ, т. е. положительно отказывается отъ своего намѣренія. Какъ великъ былъ кружокъ, въ которомъ задумалось отцеубійство, приговоръ умалчиваетъ: вѣроятно два, три человѣка, а можетъ быть всего одинъ, о которомъ говорится: Николаевъ. Ясно, что ни цареубійство, ни отцеубійство не были дѣломъ общества многихъ лицъ. Первое вытекло изъ чисто индивидуальныхъ условій; второе — также, такъ какъ В. Ѳедосѣевъ лицо чисто пассивное, дѣйствовавшее не по собственной иниціативѣ; Николаевъ-же одинъ обвиняется „въ доставленіи средства къ совершенію отцеубійства“.

Воззрѣнія Николаева намъ также отчасти извѣстны. Всѣ преступленія массы сводятся къ „старались. разсуждали и готовились“. Мы уже могли убѣдиться, что всѣ эти „разсужденія“ и пр. такъ-таки и остались бы разсужденіями. Самая форма, въ которой предлагались вопросы: отвлеченно-теоретическая, заоблачная и мечтательная, ясно уже доказываетъ, какъ далека она была отъ практическаго разрѣшенія. Не забудемте, что эти разсужденія извѣстны комиссіямъ и суду изъ разсказовъ „чистосердечно-каявшихся“: кто-же опредѣлитъ, какая доля въ нихъ преувеличенія, фантазіи, искаженія? На сходкахъ говорили десятки людей: кто-же упомнитъ съ точностью ихъ слова? Попробуйте сказать рѣчь и десять человѣкъ, которые васъ слушали, разно передадутъ ее. Кто-же поручится, что невинныя разсужденія о томъ, что рабочимъ жить плохо, что для улучшенія ихъ быта придумываются такія-то вотъ средства и что было-бы очень недурно примѣнить ихъ у насъ; что это невинное разсужденіе и споръ, вызванный имъ, гдѣ могло высказаться множество и здравыхъ и нелѣпыхъ мнѣній, не были перетолкованы и переданы суду, какъ нѣчто, съ точки зрѣнія этого суда, такое, что возможно выразить слѣдующею формулой: „были заявлены цѣли самыя преступныя и средства самыя безнравственныя“.

Однако, гдѣ-же пресловутая „*организація?*“ гдѣ-же „*адъ*“ съ своими кинжалами? Объ „организаціи“ въ приговорѣ нѣтъ ни слова, между тѣмъ, какъ поименовываются ея члены. Отсюда мы и можемъ умозаключить, что подъ именемъ организаціи кн. Гагаринъ разумѣетъ тѣхъ *нѣкоторыхъ*, „задумавшихъ организовать свою дѣятельность на опредѣленныхъ началахъ“. Ей-же приписывается учрежденіе школъ, ассоціацій и пр. Объ „адѣ“-же положительно не говорится; два, три раза это слово проскользнуло въ приговорѣ, да Ишутинъ обвиняется въ „основаніи тайнаго, революціоннаго общества: „адъ“, котораго ни въ дѣйствительности, ни въ приговорѣ не оказывается.

Изъ всего сказаннаго, неизбѣжно вытекаютъ два главные вывода:

1) „*Организаціи*“ *не существовало;*

2) „*Ада*“ *не существовало.*

Или приведя къ одному знаменателю:

Заговора не было и никакого революціоннаго общества не существовало.

Чтобы разсѣять всякія сомнѣнія читателя, чтобы окончательно убѣдить его въ непреложной истинности этихъ выводовъ, перейдемъ опять къ приговору верховнаго уголовнаго суда, къ его дальнѣйшимъ подробностямъ. Поэтому, снова становясь на его почву, я буду называть „организаціею“

тотъ кружокъ, которому тщетно силится придать это имя кн. Гагаринъ. Мы уже видѣли дѣятельность „организаціи“, теперь разсмотримъ дѣятельность каждаго ея члена въ отдѣльности, но прежде всего опредѣлимъ ея численныя силы. На то и другое намъ даетъ нужные матеріялы приговоръ, къ которому и обращаемся снова.

Изъ этого оффиціальнаго акта мы узнаемъ, что лицъ, оказавшихся, *по мнѣнію Муравьева,* преступными и потому подлежащими суду — *ТРИДЦАТЪ ШЕСТЬ.* Фактъ этотъ чрезвычайно важенъ. Изъ всего огромнаго количества арестованныхъ послѣ 4 Апрѣля, самое пристрастное и жестокое слѣдствіе, для котораго достаточно было бездоказательнаго наговора, находитъ виновными только 36 человѣкъ; остальныхъ или освобождаетъ, или признаетъ „неважными, замѣшанными косвенно“, и не считаетъ ихъ достойными даже упоминанія. Съ ними раздѣлается полиція, III отдѣленіе, т. е. съ ними расправятся „административнымъ путемъ“.

Послѣ преслѣдованія дѣла верховнымъ уголовнымъ судомъ, оказалось: двое (Кобылинъ и Вознесенскій) попали въ списокъ обвиняемыхъ по *ошибкѣ;* одинъ (Никифоровъ) по оговору; двѣнадцать (Худяковъ, В. Ѳедосѣевъ, Марксъ, Маевскій, Шостаковичъ, Лаунгаузъ, кн. Черкезовъ, Петерсонъ, Маликовъ, Бибиковъ, Оболенскій и

Никольскій) къ организаціи не принадлежали и замѣшаны случайно, по неважнымъ обстоятельствамъ (исключая четырехъ, изъ которыхъ двое обвиняются въ довольно преступныхъ *замыслахъ* и двое въ укрывательствѣ государственныхъ преступниковъ). Такимъ образомъ оказывается, что къ организаціи, включая въ это число и Каракозова, принадлежитъ *Двадцать одинъ человѣкъ*.

Нечего сказать — сила!...

Но мы читаемъ слѣдующія замѣчательныя строки: „Подсудимые: Кичинъ, Соболевъ, Сергіевскій, Борисовъ, Воскресенскій, Кутыевъ, Полумордвиновъ, хотя также принадлежали къ числу членовъ „организаціи“, но никто изъ нихъ не имѣлъ точныхъ свѣденій о цѣляхъ и предположеніяхъ общества, на сходкахъ котораго они бывали рѣдко и не могли себѣ составить понятія даже о томъ, что такое соціализмъ, нигилизмъ и коммунизмъ (точь въ точь гг. Воейковъ и Араповъ). Будучи вовлечены въ это общество главными его членами (трудно рѣшить, кто добродушнѣй и наивнѣй: главные-ли члены, вовлекающіе такихъ простоватыхъ и незлобивыхъ ребятъ, или же сами ребята, „не могущіе составить себѣ понятія даже“ и проч.), подъ благовиднымъ предлогомъ учрежденія общества взаимнаго вспомоществованія, для котораго предполагалось испросить разрѣшеніе правительства (вотъ видите-ли,

само правительство находитъ этотъ предлогъ „благовиднымъ“: ясно, что общество взаимнаго вспомоществованія не было ни революціоннымъ, ни „пагубнымъ“ и т. д.), они, вступая въ это общество, имѣли въ виду *только* обѣщанное имъ облегченіе своей крайней нищеты и убѣжденіе, что безъ посторонней помощи, они не могутъ кончить образованія, которое одно могло облегчить ихъ будущность“.

Скажите по совѣсти: есть-ли возможность признать за членовъ организаціи этихъ злополучныхъ, плаксивыхъ и неразвитыхъ людей? Цѣли ихъ самыя мирныя, законныя, съ политикой неимѣющія ни одной точки соприкосновенія. Они даже жалуются, „что по младости и неопытности, находясь въ крайней нищетѣ, но желая докончить курсъ наукъ узаконенный, дабы снискать пропитаніе на службѣ престолу и монарху, были вовлечены и пр.“ Намъ остается пожалѣть о бѣдственномъ ихъ рокѣ, но изъ числа членовъ организаціи неизбѣжно исключить.

Кромѣ того мы знаемъ изо всего предъидущаго, что Каракозовъ стоялъ особнякомъ, дѣйствовалъ самостоятельно, не спрашиваясь ни чьего совѣта и никому не сообщая о своихъ намѣреніяхъ, и что ни къ „аду“, ни къ организаціи и ни къ какому другому обществу онъ не принадлежалъ, что̀ признано и доказано самимъ верховнымъ уголовнымъ судомъ. И такъ, на основаніи точныхъ и неоспо-

римыхъ офиціальныхъ данныхъ, изъ числа членовъ организаціи мы должны исключить девять человѣкъ. Сколько-же остается? — *ДВѢНАДЦАТЬ!!!* .... Этотъ выводъ сдѣланъ не мною: верховный уголовный судъ въ своемъ окончательномъ *опредѣленіи* степени виновности каждаго подсудимаго и наказанія „за доказанныя преступленія“ (какое лицемѣрное кощунство!) называетъ, безъ всякихъ ограниченій и оговорокъ, „членами организаціи“ только двѣнадцать человѣкъ. Запишемъ же офиціальный фактъ:

Революціонное общество „Организація“ состояло изъ двѣнадцати членовъ.

Теперь мы знаемъ математически вѣрно численныя силы организаціи, знаемъ ея дѣятельность, изъ которой можемъ вывести опредѣленіе ея нравственныхъ силъ. Но въ этой дѣятельности, грозившей такими бѣдствіями нашему дорогому отечеству, мы должны все выяснить и не оставить ни одной тѣни. Для этого намъ остается разсмотрѣть дѣятельность каждаго члена организаціи въ отдѣльности; такимъ образомъ мы получимъ и мѣрку преступности каждаго, и въ общей сложности — дѣятельность *цѣлаго революціоннаго общества.*

Начинаю снова выписки изъ приговора:

1) Николаевъ, Шагановъ, Ермоловъ занимались писаніемъ проэктовъ устава; Мотковъ поправлялъ проэктъ Ермолова и хранилъ у себя проэктъ Ша-

ганова, *но вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ мѣры для противодѣйствія насильственному перевороту.* Николаевъ добывалъ рецепты для отравленія отца Ѳедосѣева.

2) Малинин, Дм. Ивановъ, Лапкинъ и А. Ивановъ старались вообще разстроить „организацію“, препятствовали ея сходкамъ и образовали кружокъ, ей враждебный, имѣвшій цѣлью соціальную пропаганду, *безъ насильственнаго переворота въ государствѣ.* Что касается обвиненія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ знаніи о РАЗГОВОРАХЪ (!) относительно образованія болѣе преступнаго общества „адъ“, то *судебнымъ слѣдствіемъ доказано,* что имъ были извѣстны только *разсказы Моткова* относительно образованія этого общества, и что они, имѣя намѣреніе противодѣйствовать этому обществу и даже *донести* на него, не успѣли еще убѣдиться, *дѣйствительно-ли предположено основать его.*

Изъ этого параграфа мы видимъ, что треть организаціи, т. е. четыре ея члена дѣйствуютъ въ качествѣ ея враговъ: и ихъ не прикажете-ли вычеркнуть изъ организаціи, кн. Гагаринъ? Этотъ же параграфъ подтверждаетъ ту истину, что „адъ“ не существовалъ; что онъ вѣроятно сложился въ фантазіи Моткова и Ишутина, изъ которыхъ первый и излагалъ въ тѣсномъ пріятельскомъ кружкѣ свои мечты. Онъ же излагалъ ихъ передъ Му-

равьевымъ и кн. Гагаринымъ. Что Муравьевъ повѣрилъ баснѣ, это понятно; но кн. Гагаринъ не повѣрилъ, да и повѣрить не могъ. Нѣтъ ни однаго подсудимаго, который бы обвиненъ былъ въ принадлежности къ „аду“*): зачѣмъ же нелѣпую сказку возводить въ тяжкое обвиненіе и не исключить ее совершенно изъ обвинительнаго акта? Затѣмъ, отвѣчу я, что въ такомъ случаѣ пришлось бы исключить самую возможность появленія этого акта, такъ какъ онъ весь состоитъ изъ подобныхъ обвиненій.

3) Странденъ *готовился* ѣхать въ Сибирь за Чернышевскимъ.

4) Юрасовъ и Загибаловъ не выказывали никакой особой дѣятельности (какую же „особую“, т. е. особенную дѣятельность выказали другіе то члены организаціи)?

Всѣ эти лица, кромѣ четырехъ противодѣйствовавшихъ организаціи, разсуждали о цареубійствѣ, но „всѣ *однако возражали* противъ ВСЯКИХЪ ПРЕДПОЛОЖЕНІЙ о цареубійствѣ“. Юрасовъ, Ермоловъ, Странденъ и *даже* Ишутинъ противодѣйствовали Каракозову и останавливали его.

5) Ишутинъ возбудилъ разсужденія о цареубійствѣ и основалъ никогда не существовавшія общества (за что и былъ приговоренъ къ повѣшанію).

Теперь мы должны опредѣлительнѣе формулиро-

*) Обвинялись многіе, да никто обвиненъ то не былъ.

вать математически точные выводы изъ предъидущихъ параграфовъ.

Изъ двѣнадцати членовъ организаціи четверо (треть) были ея врагами (см. выше) и потому мы неизбѣжно должны исключить ихъ изъ организаціи. (Пояснять этотъ очевидный выводъ я считаю оскорбительнымъ для читателей). Отсюда:

Такъ называемая Организація состояла изъ ВОСЬМИ ЧЛЕНОВЪ.

Половина этихъ членовъ (4) писала и взаимно поправляла и хранила проэкты уставовъ. Другая половина положительно ничего не дѣлала, такъ какъ готовиться къ поѣздкѣ не только въ Сибирь, но и въ Патагонію и даже на луну, и основывать общества, въ дѣйствительности никогда и нигдѣ, ни во времени, ни въ пространствѣ не существовавшія, не значитъ дѣйствовать, дѣло дѣлать.

Вся организація, безъ изъятія даже Ишутина, „который возбудилъ вопросъ о цареубійствѣ“ и т. д., противится и принимаетъ мѣры противъ:

1) Насильственнаго переворота въ государствѣ.

2) Всякихъ разсужденій о цареубійствѣ.

Для вящей ясности капитальнаго вывода сопоставьте *факты, признаваемые въ одно и тоже время верховнымъ уголовнымъ судомъ*, и потому непреложные и обязательные для всякаго подданнаго русскаго императора.

A. Тайное революціонное общество „*Организація*“ имѣетъ цѣлью ниспровергнуть правительство во всемъ государствѣ, произвести экономическій и соціальный переворотъ посредствомъ устной и письменной пропаганды и насильственныхъ мѣръ: цареубійства, революціи, дѣлежа собственности и т. д.

a) Тайное революціонное общество „*Организація*“ противится и принимаетъ мѣры противъ насильственнаго переворота въ государствѣ, то есть противъ революціи, дѣлежа собственности и всякихъ *даже предположеній о цареубійствѣ.*

B. Организація существуетъ, слѣдовательно она *организована.*

b) Организація не *организована,* даже общихъ опредѣленныхъ началъ и дѣльнаго проэкта не выработано, слѣдовательно организаціи не существуетъ.

C. Ишутинъ обвиненъ между прочимъ за основаніе тайнаго революціоннаго общества „адъ“: адъ существуетъ.

c) Никто, кромѣ Ишутина, не обвиненъ въ принадлежности къ аду. Самъ Ишутинъ обвиненъ косвенно. Вотъ текстъ приговора: „... и какъ основателя *обществъ,* дѣйствія коихъ клонились“ и пр., т. е. организаціи и ада, такъ какъ общества переводчиковъ и переводчицъ и взаимнаго вспомоществованія, что уже доказано оффиціальными данными, были общества мирныя, закономъ разрѣ-

шаемыя и неимѣвшія никакихъ иныхъ цѣлей, кромѣ добыванія работы и хлѣба: адъ не имѣетъ ни однаго члена, кромѣ основателя: одно лицо не можетъ составлять общества: адъ не существуетъ.

D. Ишутинъ возбуждаетъ вопросъ о цареубійствѣ.

d) Ишутинъ противится всякимъ разсужденіямъ о цареубійствѣ и „вызываетъ Каракозова въ Москву“ *).

E. Ишутинъ основываетъ тайныя революціонныя общества Адъ и Организацію.

e) Ни Ада, ни Организаціи не существуетъ.

---

*) Смотри въ приговорѣ эпизодъ встрѣчи Моткова и Ишутина съ Худяковымъ. — „Какъ, развѣ онъ въ Петербургѣ?“ — спросилъ Ишутинъ *испуганнымъ* голосомъ. „Послѣ этого извѣстія Мотковъ (вѣроятно вмѣстѣ съ Ишутинымъ) просилъ Худякова *слѣдить* за Каракозовомъ, и если онъ старается скрыть свое пребываніе въ Петербургѣ, изъ чего *можно заключить*, что онъ *дѣйствительно* имѣетъ намѣреніе совершить цареубійство, то НАВЕСТИ НА ЕГО СЛѢДЪ ПОЛИЦІЮ“. Этотъ оффиціально признанный фактъ, доказываетъ еще разъ: 1) Точныхъ свѣденій о намѣреніяхъ Каракозова не имѣли самые близкіе ему люди; 2) Зная его характеръ, они только догадывались объ его намѣреніи и по его дѣйствіямъ хотѣли убѣдиться въ своихъ догадкахъ; 3) Ишутинъ и всѣ другіе „члены“ мнимой организаціи не только не раздѣляли воззрѣній Каракозова, но рѣшались на *доносъ*, на преданіе его въ руки полиціи. И послѣ этого насъ стараются увѣрить въ „адахъ и организаціяхъ“ и тому подобныхъ сказкахъ! И послѣ этого осуждаютъ людей на смерть и на каторгу за *недонесеніе:* еслибъ убѣдились — донесли бы!....

Возьмите любое мѣсто въ приговорѣ верховнаго уголовнаго суда: фактъ, строчку, фразу, и вы немедленно найдете другой фактъ, другую строчку, другую фразу, которые совершенно, діаметрально противорѣчатъ первымъ и взаимно исключаютъ другъ друга. Продолжайте сопоставленія, утомлять которыми читателя я не могу болѣе; возьмите любое обвиненіе и любаго обвиненнаго, раздѣлите пополамъ листъ и ставьте на одной сторонѣ черты факты *за*, на другой — *противъ* и вы убѣдитесь ясно, наглядно, осязательно, что *за* имѣются факты положительные, *противъ* — не доказанные, т. е. отрицательные, и если найдутся одинъ или два положительныхъ (т. е. доказанныхъ и реальныхъ), то на другой сторонѣ (за) будетъ находиться еще большее число такихъ-же реальныхъ фактовъ и въ итогѣ у васъ всегда (исключеній почти нѣтъ) получится *за* положительная величина, противъ — отрицательная. Въ этомъ убѣждаетъ самое простое разсужденіе, самая простая, азбучная ариѳметика, доступная пониманію пятилѣтняго ребенка. Чтобы покончить съ логикой знаменитаго приговора, я долженъ въ послѣдній разъ остановить вниманіе читателя на постоянно встрѣчающейся фразѣ: „*Противились и принимали мѣры противъ насильственнаго государственнаго переворота*“, что въ примѣненіи къ подсудимымъ принималось „за смягчающее обстоятельство“ и

такимъ образомъ принципы строгой справедливости и милосердія соблюдались въ глазахъ простодушныхъ зрителей. „Противиться и принимать мѣры“ возможно противъ кого нибудь или чего нибудь существующаго, дѣйствительнаго, реальнаго, напримѣръ, противъ нападенія разбойниковъ, наводненія, бури и т. п. Противиться и принимать мѣры противъ чего нибудь или кого нибудь воображаемаго, въ дѣйствительности не существующаго, возможно только при сумашествіи и бѣлой горячкѣ, вообще при разстройствѣ головнаго мозга. Общество восьми человѣкъ*) (и даже восьми тысячъ, которыя изобрѣла московская полиція), ни добровольнаго, ни насильственнаго переворота въ русской имперіи, содержащей 400,000 кв. геогр. миль и 75,000,000 населенія, произвести не могло, что очевидно для каждаго, умственно неповрежденнаго человѣка. Отсюда самый благонамѣренный читатель долженъ умозаключить: или подсудимые, или судья страдаютъ потерей умственныхъ способностей (сумашествіемъ); или-же существуетъ другое громадное революціонное общество, стремящееся къ насильственному государственному перевороту, которому возможно „противиться“ и противъ замысловъ котораго возможно „принимать мѣры“. Но такъ какъ

*) Вѣдь это были бѣдняки и мирные граждане, а не особы царской фамиліи, не Валуевы, не Гагарины и не Панины.

дѣйствительность отрицаетъ эти умозаключенія, то намъ остается одинъ выводъ:

Приговоръ верховнаго уголовнаго суда весь построенъ на лжи и есть чудовищный обманъ.

Разъ усвоивъ эту истину, мы открываемъ смыслъ знаменитой фразы „противились“ и пр.: подсудимые *противились* допускать теоретическую возможность теоретической, отвлеченной, заоблочной идеи насильственнаго, государственнаго переворота могущаго произойти въ далекомъ и неизвѣстномъ будущемъ, и *принимали мѣры* противъ всякихъ отвлеченныхъ разсужденій и туманныхъ споровъ объ этомъ предметѣ. (Вотъ каковы были въ дѣйствительности члены этого страшнаго, кроваваго общества, болѣе крайняго, по мнѣнію дальновидныхъ россіанъ, чѣмъ клубъ якобинцевъ, болѣе свирѣпаго, чѣмъ сто тысячъ Дантоновъ и Маратовъ, умноженныхъ на такое-же количество Робеспьеровъ.)

Неужели же и теперь, спрашиваю я, не ясно для читателя, что этотъ канибальскій, чудовищный приговоръ, весь построенъ на самой безсовѣстной лжи? Что людей приговорили къ вѣчной, и болѣе или менѣе продолжительной каторгѣ — не за дѣйствія, но „*за разговоры*“? Что сами члены, этой такъ называемой организаціи, пугались своихъ разговоровъ и всѣ противодѣйствовали крайнимъ и насильственнымъ мѣрамъ, т. е. самой мысли о нихъ, такъ

кахъ никто въ дѣйствительности и не прибѣгалъ, да и не могъ прибѣгнуть къ этимъ мѣрамъ? Что такимъ образомъ весь заговоръ сводится на *разговоръ,* что приговоръ 24 Сент. заключаетъ въ себѣ еще болѣе суровый приговоръ кн. Гагарину и всему верховному уголовному суду и доказываетъ, что заклятые злодѣи, заслуживающіе висѣлицу и каторгу — не осужденные, но судьи?

Кн. Гагаринъ совершилъ замѣчательный фокусъ: весь Адъ онъ окунулъ въ Лету и вызвалъ блѣдный, туманный призракъ „организаціи", который исчезаетъ не только при блескѣ солнечныхъ лучей, но и при томъ тускломъ свѣтѣ починка, которымъ я освѣтилъ его.

Впрочемъ и этотъ слабый, неполный и далеко неудовлетворительный очеркъ можетъ разсѣять заблужденіе читателей, вѣрившихъ въ заговоръ, и доказать ту неоспоримую истину, что онъ, этотъ заговоръ, *есть та каллигуловская голова, которую измыслило правительство, чтобъ однимъ ударомъ меча покончить со всѣми честными и свѣтлыми стремленіями, зародышами, начинаніями и возможностями.* Удалось-ли ему — покажетъ будущее; я же не войду ни въ какія разсужденія объ этомъ предметѣ, считая ихъ вредными и потому неумѣстными въ настоящее время и при настоящихъ обстоятельствахъ.

И пусть рѣшатъ сами читатели, какъ далеко ушелъ князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ отъ графа Михаила Николаевича Муравьева, приговоривъ „*за разговоры*“ одного къ висѣлицѣ, двухъ къ вѣчной каторгѣ, одного къ двадцатилѣтней, трехъ къ двѣнадцатилѣтней и т. д., поддержавъ нелѣпую басню о заговорѣ, который имѣлъ цѣлью истребленіе царей и правительствъ, рѣки крови и всякіе ужасы; и какъ велико и искренно правосудіе и милосердіе благодушнаго царя, утвердившаго этотъ позорный актъ, замѣнившаго могилу на Голодаѣ, въ которой нѣтъ „ни печали, ни воздыханія“ — живой могилой въ Шлюссельбургѣ, полной мрака, ужаса и отчаянія.....

И пусть сами читатели подведутъ итоги .....

ГЛАВА VIII.

Нѣкоторыя дополнительныя подробности. — Публичное объявленіе приговора на Смоленскомъ Полѣ. — Опять московская полиція „отличается“. — Третія категорія. — Причины ея заточенія. — Еще разъ „чистосердечно-кающіеся“. — Дѣло о литературно-музыкальномъ утрѣ въ пользу нуждающихся студентовъ Петровской Земледѣльческой Академіи. — „Добровольно-политическіе“. — Аресты продолжаются и въ перспективѣ рисуются новыя „слѣдственныя дѣла о нигилистахъ“. — Нѣсколько заключительныхъ словъ къ читателю.

Теперь мнѣ остается перейти къ нѣкоторымъ частностямъ „для возстановленія исторической истины“.

Арестованныхъ офицеровъ допрашивали: не при-

надлежали-ли они къ какому-то „*военному заговору*“, который будто бы крылся или кроется въ войскахъ и по поводу котораго, какъ слышно, еще въ прошломъ году было произведено нѣсколко арестовъ. Эти аресты, какъ видно, не повели ни къ какимъ открытіямъ. Что это за таинственный военный заговоръ, извѣстный „по слухамъ“ правительству? Не есть-ли это новое измышленіе доносчиковъ или самаго правительства, задумавшаго, быть можеть, съ „корнемъ вырвать“ какія нибудь воображаемые революціонные зародыши въ средѣ офицеровъ? Предупреждаемъ послѣднихъ, что правительство замышляетъ противъ нихъ что-то недоброе, что оно чего то доискивается, докапывается, донюхивается. Горе тѣмъ, въ кого оно мѣтитъ; если съ „гражданскими“ оно расправляется такъ кротко за „*разговоры*“ — какъ же поступитъ оно съ „военными“!.....

Показаній подсудимыхъ не давали читать даже ихъ адвокатамъ. Ограничивались тѣхъ, что вышивали нѣкоторые листики изъ дѣла. Хороша обѣщанная гласность и хорошо обѣщанное правосудіе: у адвокатовъ отнимаютъ средства для защиты ихъ кліентовъ! Этотъ фактъ лучше всякихъ разясненій доказываетъ, что подсудимые судимы и наказаны неправо и беззаконно; что ихъ показанія заключаютъ въ себѣ массу оправданій, но не обвиненій,

которыя правительство, по очень понятнымъ причинамъ, держитъ въ глубочайшемъ секретѣ.

Павелъ Ѳедосѣевъ, какъ видно изъ обвинительнаго акта, привлеченный къ дѣлу, какъ свидѣтель, ни въ чемъ не обвинялся, но напротивъ, онъ „уговорилъ своего брата оставить преступное намѣреніе и пораженный ужасомъ, хотѣлъ разбить стклянки съ ядомъ". За что же его, какъ преступника, полиція отправила къ отцу (въ Кирсановъ и въ Октябрѣ!) *по этапу?* Не за то-ли, что онъ не могъ взнести прогонныхъ и суточныхъ денегъ на содержаніе двухъ жандармовъ, съ которыми, какъ преступника, рѣшили его отправить. И за что, наконецъ, приговорили его къ ссылкѣ на родину?

Зная этотъ фактъ, мы вѣримъ, что *нѣкто* (просимъ сообщить его фамилію), косвенно замѣшанный въ дѣло, *безъ суда и слѣдствія отданъ въ солдаты.*

Никифоровъ оправданъ и освобожденъ отъ суда, но „за неосмотрительность поведенія, давшаго поводъ къ столь важному обвиненію", предоставленъ въ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, который и распорядился сослать его въ вятскую губернію; а такъ какъ Никифоровъ, человѣкъ бѣдный и къ тому же имѣетъ несчастье быть мѣщаниномъ, то его и пошлютъ въ концѣ Октября, въ какой нибудь отдаленнѣйшій уѣздъ вятской губерніи по этапу (впрочемъ, Ѳедосѣевъ дворянинъ и единствен-

ной гарантіей отъ этапа — кошелекъ. Вотъ разница между Гагаринымъ и Валуевымъ: первый лишаетъ всего состоянія, второй занимается мелкимъ грабежомъ). Неправда-ли, какая *строгая* логика у русскаго правительства: на васъ донесъ шальной негодяй или подкупленный шпіонъ, вы оправдались, вы доказали свою невинность, вы освобождены отъ суда, но за то, что на васъ *могли* донести, васъ ссылаютъ въ какую нибудь непроходимую дебрь вятской губерніи, да еще *по этапу* и въ Октябрѣ.

*Маликовъ**), *Бибиковъ***), *Оболенскій*†) и *Никольскій* освобождены отъ суда или, другими словами, оправданы, но отданы въ распоряженіе Валуева, который и порѣшилъ: Маликовъ ссылается въ Архантельскую губернію, Бибиковъ въ Вологодскую.

Всѣмъ имъ, если кошелекъ не набитъ туго, грозитъ *этапъ*.

Кого пощадилъ Гагаринъ, тѣхъ добьетъ Валуевъ.

---

*) Бывшій судебный слѣдователь Холма (псковской губ.). Прежде занималъ туже должность въ козельскомъ уѣздѣ Калужской губ., но по происками извѣстнаго эксплуататора Мальцева, у котораго на откупѣ всѣ власти, начиная съ губернатора Спасскаго и до земскаго исправника и его помощника, едва не потерялъ мѣста и былъ переведенъ въ Псковскую губернію.

**) Мировой посредникъ козельскаго уѣзда.

†) Секретарь земской управы того же уѣзда.

Даже кн. *Вадбольскій* переводится въ Рязанскую губ. и съ *Голофтьевымъ* вѣроятно будетъ поступлено подобнымъ же образомъ. Оба они были мировыми посредниками Козельскаго уѣзда и обоихъ вина состоитъ въ „знакомствѣ съ Маликовымъ и Бибиковымъ“. Вотъ она строгая-то послѣдовательность!

Маккавѣевъ, оправданный слѣдственною (даже) комиссіей и освобожденный отъ судебныхъ преслѣдованій, ссылается въ Костромскую губернію подъ надзоръ полиціи, *въ силу собственноручной резолюціи благодушнаго монарха,* написавшаго: „за политическою неблагонадежностью, водворить на мѣстѣ жительства, отдавъ подъ строгій надзоръ мѣстной полиціи“. (Можно подумать, что Александръ II лично знакомъ съ Маккавѣевымъ и хорошо знаетъ образъ его мыслей). Говорятъ, будто бы нашъ „освободитель“ не очень-то былъ доволенъ приговоромъ (неужели князь не попалъ въ тонъ и взялъ слишкомъ ниже надлежащаго?) и находилъ, что „даже миловать трудно“. Если это справедливо, то зачѣмъ-же было подвергать опалѣ Муравьева или не поручить судъ и расправу Кауфману? Неосмотрительно!

Будетъ „водворенъ на мѣстѣ жительства“, т. е. сосланъ въ Енисейскую губернію, *Елисѣевъ,* одинъ изъ очень извѣстныхъ литераторовъ. Онъ оправданъ еще слѣдствіемъ и вся вина его заключается

въ томъ, что у него кто-то изъ осужденныхъ обѣдалъ и кто-то завтракалъ: преступность его очевидна*)!...

Кичинъ едва не сошелъ съ ума въ Петропавловской.

Марксъ тоже близокъ къ помѣшательству. Въ московскихъ частяхъ двое сошло съ ума. Фамилія одного изъ нихъ *Орфановъ*.

Марксъ въ своихъ показаніяхъ выражался слѣдующимъ образомъ: „я досталъ стрихнина для отравленія *бѣшеной собаки или литератора Каткова*“. Судъ очень предупредительно замѣнилъ *бѣшеную собаку* „мышами“.

Вознесенскій, по возвращеніи въ Москву, тотчасъ-же слегъ въ Екатериненскую больницу. Замѣчательно, что ему заключеніе въ крѣпости, стоившее здоровья, вмѣнено въ наказаніе „за посѣщеніе общества взаимнаго вспомоществованія, не разрѣшеннаго правительствомъ“. Мы уже знаемъ, что это общество еще не существовало. Члены учредители собирались для составленія и обсужденія проэкта устава, который должны были представить на разрѣшеніе правительства: есть-ли въ этомъ что нибудь преступное даже съ полицейской точки зрѣнія?

*) Елисѣевъ, кажется, попалъ подъ амнистію и несосланъ, въ чемъ убѣждаетъ насъ его объявленіе объ изданіи „Исторіи русской литературы XVIII столѣтія“. Изд.

Прежде-ли испрашивается у правительства утвержденіе общества и потомъ составляется уставъ, или же наоборотъ?

Заканчиваю этотъ списокъ беззаконныхъ дѣйствій русскаго правительства. Я знаю, что онъ крайне неполонъ, какъ и вся предлагаемая статья: пусть-же пополнитъ и исправитъ ихъ, кто можетъ.

4го Октября, ровно черезъ полгода послѣ грустной катастрофы 4 Апрѣля, на Смоленскомъ Полѣ, на томъ-же мѣстѣ, гдѣ казнили Каракозова, возвышались одинадцать позорныхъ столбовъ и висѣлица. У этихъ позорныхъ столбовъ должны были стать люди, „вознамѣрившіеся совершить экономическій, соціальный и государственный переворотъ и ниспровергнуть *всѣ* законныя правительства, истребить всѣхъ земныхъ царей“; эти одинадцать позорныхъ столбовъ сконцентрировали вокругъ себя тотъ ужасный и могущественный заговоръ, при мысли о которомъ трепетали сердца простодушныхъ россіанъ и они взывали къ Муравьеву: „крови!“ возсылая одновременно съ этимъ „теплыя мольбы“ къ Иверской и всѣмъ московскимъ святителямъ и чудотворцамъ (въ ихъ числѣ и къ Михаилу Каткову).

Приговоренные взошли на эшафотъ гордо, съ достоинствомъ и съ выраженіемъ презрѣнія къ палачамъ (конечно не къ тѣмъ, которые дѣйствовали

въ качествѣ исполнителей). Это были люди очень молодые, полные жизни и силъ, одному только было 50 лѣтъ. Никакого „благоговѣнія“*) не изображалось на ихъ лицахъ, когда они прикладывались ко кресту. Священникъ подходилъ къ каждому и прикладывалъ къ его губамъ крестъ, такъ что вѣрнѣе будетъ сказать: не они прикладывались ко кресту, а крестъ прикладывался къ нимъ. Ишутинъ такъ-же не „сгибался подъ какою-то *невидимою тяжестью*“, когда разыгравали съ нимъ гнусную комедію одѣванія въ саванъ и надѣванія петли. Въ казнь эту никто не вѣрилъ и всѣ положительно знали, что придетъ помилованіе и смягченіе. (Конечно, Ишутинъ и остальные осужденные знать этого не могли. Всѣ они подавали къ государю просьбу о помилованіи, о смягченіи приговора, но прочной надежды не могли имѣть.)

Въ тотъ-ли день или на слѣдующее утро, не знаю положительно — приговоренные были отправлены на каторгу и въ ссылку. Очень многихъ изъ нихъ ждали въ Москвѣ родители, жены, братья, сестры. Всѣмъ имъ оберъ-полицмейстеръ обѣщалъ свиданіе и даже увѣрялъ, что пришлетъ съ извѣстіемъ курьера, какъ только ссыльныхъ привезутъ

*) Никакъ не могутъ эти борзописцы разныхъ „Голосовъ“ и пр. „Вѣдомостей“ воздержаться отъ безсовѣстной лжи, въ которую они-же первые не вѣрятъ.

въ Москву. Въ его канцеляріи и въ слѣдственной комиссіи обнадеживали, что осужденные проживутъ трое сутокъ въ одной изъ частей (Рогожской), именно для того, чтобы проститься навсегда съ своими близкими. Но ихъ провезли ночью, въ закрытыхъ каретахъ, подъ прикрытіемъ большаго конвоя. Объ ихъ пріѣздѣ узнали очень немногіе родственники, сторожившіе на дебаркадерѣ желѣзной дороги, но допущены не были даже къ каретамъ. Спрашивается: для чего эта тупая, изувѣрская жестокость, до которой даже Николай рѣдко возвышался? Сама московская полиція, не смотря на всю свою невообразимую гнусность и желаніе отличаться, усердіе заявить, такъ не посмѣла-бы распорядиться: очевидно, она дѣйствовала въ силу инструкцій свыше. Въ крѣпости-же, въ промежутокъ между объявленіемъ приговора въ судѣ (24 Сентября) и исполненіемъ его на Смоленскомъ Полѣ (4 Октября), свиданія съ осужденными дозволялись. Московская полиція была очень озадачена, замѣтивъ, что ссыльные снабжены до нѣкоторой степени теплой одеждой, происхожденія очевидно не казеннаго, и въ лицѣ двухъ представителей, Воейкова и Позняка (первый олицетворяетъ исполнительную тупость и шпіонсво самое грубое; второй — полицейскаго Одиссея), — рѣшилась раскрыть виновниковъ этого преступленія. Пока

еще трудно сказать, увѣнчается-ли успѣхомъ славное патріотическое предпріятіе, поведетъ-ли оно къ новымъ розыскамъ, арестамъ, заточеніямъ и ссылкамъ, или-же ихъ доблестное рвеніе не получитъ простора, такъ какъ снабженіе теплой одеждой иначе и произойти не могло, какъ съ разрѣшенія начальства и черезъ его посредство. Съ дороги, не доѣзжая, какъ говорятъ, до Нижняго, Ишутинъ былъ возвращенъ и замурованъ въ шлюссельбургскіе застѣнки.

Замурованъ не одинъ Ишутинъ: цѣлая, такъ называемая, третія категорія, по неважности обвиненій не подпавшая, къ своему несчастью, рѣшенію верховнаго уголовнаго суда, томится въ омерзительныхъ помѣщеніяхъ московскихъ частныхъ домовъ (съ Апрѣля п Мая; самые-же поздніе съ Іюня. Вновь взятые врядъ-ли могутъ быть причислены къ этой несчастной категоріи). Трудно отвѣчать на вопросъ: въ чемъ заключается ея вина? Одни обвиняются въ участіи въ швейной, другіе въ чтеніи романа. „Что дѣлать“, третьи въ неношеніи кринолина, четвертые въ знакомствѣ съ Ишутинымъ, Странденымъ и другими осужденными; пятые... но читатель уже чувствуетъ тяжесть остальныхъ обвиненій: всѣ они въ этомъ-же родѣ. (Только на однаго или двухъ человѣкъ комиссія взводитъ очень грозныя обвиненія и порѣшила *упрятать ихъ, во*

чтобы то ни стало). Но не въ исчисленныхъ преступленіяхъ вина третіей категоріи. Ларчикъ открывается очень просто: московской слѣдственной комиссіи крайне выгодно тянуть дѣло до безконечности и разыскивать воображаемыя нити и корни. Лица, составляющія комиссію или-же прикомандированныя къ ней, всѣ эти Познаки, Павловскіе, Воейковы, Михайловскіе, Сухаревы, вся эта жадная свора висѣльниковъ и шпіоновъ, сверхъ жалованья, получаетъ очень большое содержаніе (говорятъ, что даже писарямъ дается не менѣе двухъ и трехъ рублей въ сутки). Прибавьте къ этому перспективу чиновъ, крестовъ, бантовъ, пряжекъ и прочихъ всемилостивѣйшихъ цацекъ, которыми уже украсились нѣкоторые изъ „ревностнѣйшихъ“; можно стяжать и денежную награду „за отличное усердіе“... Иные уже заканчиваютъ, другіе упрочиваютъ свою карьеру; золотое юношество, à la MM. Michaylowsky и Souchareff, только дѣлаютъ ее и стараются блеснуть полицейскими доблестями.

Благодаря „чистосердечно-кающимся“, можно надѣяться, что слѣдственная комиссія долго еще просуществуетъ. Они продолжаютъ дѣйствовать въ ея интересахъ, своими признаніями давая новые матерьялы для новыхъ слѣдственныхъ дѣлъ и запутывая новыя количества людей самыхъ разнообразныхъ профессій, званій и состояній, которые никакъ

не могли предположить, чтобы ихъ возможно было впутать, какимъ бы то ни было способомъ, въ совершенно чуждое имъ дѣло.

Для образца разскажемъ одно изъ таковыхъ дѣлъ.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ, въ залѣ артистическаго клуба дано было литературно-музыкальное утро, въ пользу бѣдныхъ студентовъ Петровской Земледѣльческой Академіи. Оно было дано съ разрѣшенія правительства; участіе въ немъ принимали литераторы и артисты, хорошо знакомые и любимые московской публикой: Плещеевъ, Островскій, Садовскій, Герберъ и др., т. е. люди благонамѣренные и никогда не отказывающіе въ своемъ содѣйствіи доброму дѣлу; это утро даже удостоилось присутствіемъ полковника Джоліо, казалось бы — чего еще? Сборъ былъ раздѣленъ между бѣдными студентами, росписки отъ нихъ получены. Черезъ семь съ половиной мѣсяцевъ Борисовъ и Соболевъ доносятъ, что сборъ поступилъ въ кассу организаціи...

Невозможно также не упомянуть о новомъ типѣ совершенно „новыхъ людей“, — о „добровольно-политическихъ“. Они гораздо опаснѣе „чистосердечно-кающихся“, такъ какъ страстное желаніе во что бы то ни стало попасть въ *политическіе преступники* заставляетъ ихъ рѣшаться на самоотверженные поступки: они сами накликали на себя

полицію, отдавались ей въ руки и обвиняли себя въ ужасныхъ замыслахъ и въ небывалыхъ преступленіяхъ. Къ этому новому типу относятся исключительно особы „прекраснаго пола“. Въ мирное время онѣ сгорали не менѣе пламенною жаждой попасть въ такъ называемыя нигилистки, для чего и совершали разныя изумительныя дѣянія, достойныя кисти гг. Клюшникова и Стебницкаго. Этотъ типъ насчитываетъ никакъ не болѣе четырехъ или пяти представителей и неизбѣжно долженъ исчезнуть очень скоро. Я упомянулъ объ немъ въ виду тѣхъ гнусныхъ и омерзительныхъ сплетенъ, которыя съ цѣлью „*подорвать нигилизмъ*“ распускаетъ московская полиція о всѣхъ арестованныхъ женщинахъ безъ исключенія. Въ этомъ полезномъ дѣлѣ ей оказываетъ самыя важныя и безкорыстныя услуги наше „золотое юношество“, наша „салонная сволочь“, рыскающая по баламъ, раутамъ и принимающая участіе въ благотворительныхъ спектакляхъ гр. Соллогуба и въ филантропической дѣятельности генеральши Стрекаловой.

Аресты, какъ я уже заявилъ въ началѣ статьи, продолжаются; дѣлу „о нигилизмѣ“ и конца не предвидится*). Въ Петербургѣ также предсказы-

*) Въ эпоху, когда солидарность съ „заговоромъ“ видѣли вездѣ и во всемъ, „малороссійская община“ подверглась гоненію, обыскамъ, конфискаціямъ. Въ ней зрѣли язву сепа-

ваютъ новое слѣдствіе: извѣстный доносчикъ и шпіонъ, студентъ Корево или Корейво, прикомандированный къ московской слѣдственной комиссіи для розысковъ и посѣщавшій московскій университетъ, сдѣлавшійся въ настоящее время разсадникомъ мракобѣсія, появился нѣсколько дней тому назадъ въ Петербургѣ, „*подъѣзжалъ*“ ко многимъ въ трактирахъ и кафе съ либеральными разсужденіями, наконецъ былъ узнанъ. Теперь оказывается, что онъ взятъ въ крѣпость для *добровольныхъ признаній*. Люди опытные утверждаютъ, что вѣроятно начнется скоро новое дѣло. Не знаю, на сколько все это справедливо; могу только завѣрить читателя, что этотъ слухъ идетъ изъ непосредственныхъ, полицейскихъ источниковъ.

ратизма и гнѣздо „вольнолюбивыхъ замысловъ“. Но въ дѣйствительности, ни съ сепаратизмомъ, ни съ либерализмомъ она не имѣетъ ничего общаго и въ большинствѣ своихъ членовъ представляетъ самое утѣшительное явленіе для г. Каткова. Такъ напр., въ ней вотируется предложеніе: допускать въ ея члены только студентовъ, которые получаютъ въ общемъ выводѣ не менѣе $3^1/_2$ и изъяты университетскимъ начальствомъ отъ платы за лекціи и *только таковымъ выдавать пособія изъ общинной кассы! (Вотъ она, суть-то, гдѣ!)* Интереснѣе всего, что птенцы Баршева и Чичерина, осмѣлившіеся сдѣлать это нелѣпое и безчестное предложеніе, были арестованы, по подозрѣнію въ красныхъ замыслахъ. Библіотека „малороссійской общины“ и до сего дня запечатана семью печатями и полиція, неизвѣстно для чего, хранитъ грозное statu quo.

Многіе надѣются, что свадьба наслѣдника прекратитъ хотя на очень короткое время дѣятельность третьяго отдѣленія и облегчитъ участь нѣкоторыхъ. Что касается до меня, я этому положительно не вѣрю.

Въ настоящей статьѣ изложены офиціальные факты, не составляющіе тайны и ближе другихъ извѣстные самой полиціи. Я счелъ нужнымъ огласить ихъ здѣсь, такъ какъ большинству, массѣ общества они совершенно неизвѣтны; въ Москвѣ-же и Петербургѣ ходятъ въ видѣ разнорѣчивыхъ разсказовъ и слуховъ, ложно толкуемые, ложно понимаемые. Свои выводы о заговорѣ и его членахъ я дѣлалъ на основаніи офиціальнаго акта — приговора верховнаго уголвнаго суда; читая ихъ, *проницательный читатель,* фигурирующій въ романѣ „Что дѣлать“, можетъ указать мнѣ начало статьи и уличить въ величайшей непослѣдовательности и противорѣчіи съ собою. Возражать ему я не стану: пусть онъ остается съ своей проницательностью и торжествуетъ побѣду и да опочіетъ непробудно на славно пожатыхъ лаврахъ.

На неполноту свѣденій я уже указывалъ и просилъ пополнять ихъ. Этотъ недостатокъ находится внѣ моей воли; небрежность-же языка, отсутствіе всякой литературной отдѣлки, спѣшность работы и тысячи другихъ пороковъ, ставящихъ статью, „Бѣлой Терроръ“, ниже всякой газетной статейки,

читатель великодушно извинитъ, „принимая во вниманіе“, что авторъ не имѣетъ ничего общаго съ профессіей литератора и никогда не мнитъ отличаться на аренѣ россійской журналистики.

И такъ прощайте и прощайте навсегда, мои случайные читатели. Гонимый рокомъ въ гиперборейскія страны (не знаю, погонитъ-ли онъ меня по этапу или-же на почтовой парѣ), которыя такъ благодѣтельно вліяютъ, по мнѣнію русскаго правительства, на благонравіе и „политическую благонадежность“, я не вполнѣ убѣжденъ, что эти строки дойдутъ до ихъ судьбы; но во всякомъ случаѣ, я-то ихъ врядъ-ли когда нибудь увижу.

Одинъ изъ сосланныхъ подъ надзоръ полиціи.

10 Октября 1866.

Приговоръ верховнаго уголовнаго суда.

1) Признавая Ишутина зачинщикомъ замысловъ о цареубійствѣ, основателемъ общества, дѣйствія коего клонились къ экономическому перевороту съ нарушеніемъ правъ собственности и ниспроверженіемъ государственнаго устройства, и въ незаявленіи правительству объ извѣстномъ ему преступномъ намѣреніи Каракозова — лишить, на основаніи 241, 242, 243 и 318 ст. улож. о нак., изд. 1866 года, всѣхъ правъ состоянія, и казнить смертью черезъ повѣшеніе.

2) Ермолова, Страндена и Юрасова, участвовавшихъ въ преступномъ выраженіи мыслей, относительно учрежденія общества для произведенія государственнаго переворота посредствомъ цареубійства, и виновныхъ въ недонесеніи объ извѣстныхъ имъ преступныхъ замыслахъ, слѣдовало бы также подвергнуть смертной казни, но, принимая во вниманіе, что Ермоловъ и Странденъ остановили исполненіе намѣренія Каракозова совершить его преступное покушеніе въ первую его поѣздку въ Санктпетербургъ, а Юрасовъ не только не изъявлялъ согласія на преступный умыселъ на цареубійство, но и возражалъ противъ онаго, то вмѣсто смертной казни, лишить означенныхъ трехъ подсудимыхъ всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ — Страндена и Юрасова безъ срока, а Ермолова, какъ несовершеннолѣтняго, за силою 139 ст. улож. о нак., на 20 лѣтъ.

3) Загибалова, Шаганова и Моткова, какъ членовъ общества организаціи, имѣвшихъ полное свѣденіе о преступныхъ цѣляхъ онаго, а равно изобличенныхъ въ знаніи и недонесеніи о преступномъ выраженіи мыслей, относительно учрежденія общества для произведенія государственнаго переворота посредствомъ цареубійства, на основаніи 318 и 250 статей улож. о нак., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы — Загибалова и Шаганова въ крѣпостяхъ на 12 лѣтъ, а Моткова, за силою 139 ст., на 8 лѣтъ.

4) Николаева, какъ члена общества организаціи, имѣвшаго полное свѣденіе о преступной онаго цѣли и сознавшагося въ доставленіи Ѳедосѣеву средствъ къ совершенію отцеубійства, имѣвшаго цѣлью пріобрѣтеніе значительной суммы денегъ для поддержанія означеннаго преступнаго общества, лишить, на основаній 2-й части 318 ст. и 250 ст. улож. о нак., всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на 12 лѣтъ.

5) Худякова, непзобличеннаго въ знаніи о намѣреніи Кара-

козова совершить покушеніе на жизнь священной особы Государя Императора, въ способствованіи Каракозову въ этомъ преступленіи, но уличеннаго въ знаніи о существованіи и противозаконныхъ цѣляхъ тайнаго революціоннаго общества — лишить, на основаніи 3-й части, 318 ст. улож. о нак., всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

6) Малинина, Дмитрія Иванова, Линкина и Александра Иванова, какъ членовъ общества организаціи, имѣвшихъ свѣденія о противозаконныхъ цѣляхъ онаго, хотя и слѣдовало бы приговорить, по всей строгости 2-й части 318 ст. и 250 ст. улож. о нак., къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ, но какъ они постоянно противодѣйствовали тѣмъ противозаконнымъ цѣлямъ и предложеніямъ организаціи, когда только они объявлялись на сходкахъ, которыя имѣли въ виду насильственный переворотъ и доставленіе обществу средствъ преступными мѣрами, и какъ они, для противодѣйствія этому обществу, старались образовать особый кружокъ, неимѣвшій уже тѣхъ преступныхъ цѣлей, къ которымъ стремились главные члены организаціи, а предназначенный для достиженія цѣлей, предусмотрѣнныхъ въ 319 ст. улож. о нак. и какъ, сверхъ того, они, а въ особенности Дмитрій и Александръ Ивановы, сдѣлали вполнѣ чистосердечныя признанія, и притомъ Линкинъ и Дмитрій Ивановъ не достигли еще и нынѣ совершеннолѣтія, имѣя только по 19-ти лѣтъ, то, признавъ ихъ подлежащими наказанію по 1-й части 319 ст. улож. о нак., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ Сибирь.

7) Ѳедосѣева, изобличеннаго въ принятіи мѣръ къ отравленію своего отца и неуспѣвшаго совершить это преступленіе вслѣдствіе его ареста, лишить, на основаніи 2 ч. 1,457 ст. улож., всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе, съ преданіемъ на мѣстѣ ссылки церковному покаянію.

8) Маркса, какъ пособника, коего содѣйствіе было необхо-

димо въ приготовленіи мѣръ для убійства частнаго лица, на основаніи 2 ч. 1,457 ст. улож. о нак., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе.

9) Маевскаго, какъ изобличеннаго въ укрывательствѣ государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ въ каторжныя работы, лишить, на основаніи 2 части 316 ст. улож. о нак., всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе.

10) Шестаковича, за укрывательство государственнаго преступника, осужденнаго къ каторжной работѣ, приговорить, въ уваженіе къ сдѣланному имъ чистосердечному сознанію, на основаніи 2 части 316 ст. улож. о нак., къ низшему изъ означенныхъ въ сей части статьи наказаній, а именно: къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ губерніи Томскую или Тобольскую.

11) Лаунгауза, имѣвшаго свѣденія о существованіи тайнаго общества, но не знавшаго въ точности всѣхъ цѣлей онаго и, сверхъ того, изобличеннаго въ противозаконной передачѣ яда лицу, неимѣвшему права на полученіе онаго, заключить въ крѣпости на восемъ мѣсяцевъ, съ воспрещеніемъ ему, по указанію 867 ст. улож. о нак., навсегда продавать ядовитыя и сильнодѣйствующія вещества.

12) Кичина, Соболева, Сергіевскаго, Борисова, Воскресенскаго, Кутыева, Полумордвинова, Трусова и князя Черкезова, изъ коихъ никто не изобличенъ въ имѣніи точныхъ свѣденій объ обществѣ, въ сходкахъ котораго они участвовали, или о существованіи котораго только знали, приговорить, на основаніи 3-й и 4-й статей 319 ст. улож. о нак., къ заключенію въ крѣпости на 8 мѣсяцевъ, съ зачисленіемъ имъ времени, проведеннаго уже въ заключеніи.

13) Петерсона, недонесшаго объ укрывательствѣ Юрасовымъ государственнаго преступника Домбровскаго, признать, на основаніи 126-й ст. улож. о нак., подлежащимъ заключенію въ крѣпости на 6 мѣсяцевъ, съ зачисленіемъ ему времени, проведеннаго въ семъ заключеніи.

14) Маликова, Бибикова, Оболенскаго и Никольскаго признать неподлежащими обвиненію въ тайному обществу и по сему предмету отъ суда освободить; но какъ первые три изобличены въ знаніи объ умыслѣ освободить государственнаго преступника Чернышевскаго, а четвертый въ умыслѣ освободить государственнаго преступника Серно-Соловьевича, то сдѣлавъ имъ внушеніе о томъ, чтобъ они впредь не входили въ сношеніе съ людьми, имѣющими такіе противозаконные замыслы, такъ какъ это противно и долгу службы и обязанностямъ каждаго вѣрноподданнаго, обязать ихъ подпискою, чтобъ они, не выѣзжая изъ Санктпетербурга, явились къ министру внутреннихъ дѣлъ, которому предоставить принять относительно всѣхъ этихъ лицъ тѣ мѣры, какія признаетъ необходимыми.

15) Никифорова, юридически неизобличеннаго въ взведенныхъ на него государственныхъ преступленіяхъ, отъ суда освободить, внушивъ ему отстраняться впредь отъ вредныхъ связей, такъ какъ онъ сими связями и неосмотрительнымъ своимъ поведеніемъ далъ поводъ къ столь важному обвиненію, и затѣмъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, на основаніи 58 ст. улож. о нак., учредить надъ нимъ особый надзоръ полиціи.

16) Вознесенскому, какъ посѣщавшему общество взаимнаго вспомоществованія, неразрѣшенное правительствомъ, вмѣнить въ наказаніе содержаніе въ крѣпости и затѣмъ признать его невиновнымъ въ государственномъ преступленіи.

ВЕЙМАРЪ:
въ типографіи
Г. Ушмана и Ко.

WEIMAR:
Druck von
G. Uschmann & Co.